

Дневник Т.Г. Степанова 9 сентября – 31 декабря 1986

9 сентября 1986 г.

Фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» дозволен к показу. О сем известил меня счастливый автор:

-Его посмотрел Яковлев, потом – Лигачев. Считают, что надо открыть ему путь на экран.

-А мне покажешь?

-Еще бы!

Пошли с Адой в Дом кино. Малый зал, могучая кучка киноинтеллектуалов, пара-тройка националистствующих снобов. Атмосфера ожидания: вот сейчас у тебя на глазах развернется первое в истории нашего официозного искусства произведение об эпохе «незабываемого тридцать седьмого».

Официозом «Покаяние» не пахнет, разве что в самом начале, когда, явно под диктовку Э.Ш., титры выписали предисловие о борьбе партии против искривлений ленинских норм... Но и искусства в нормальном понимании здесь нет. Точнее, его в фильме так много, что для «почвы и судьбы» не остается места. Эстетство, вычурность киноязыка, любование находками, зашифрованность иных фрагментов, изыски - напрочь уничтожают тему и цель и оскорбляют правду жизни. Мне представляется художественным свинством так спекулировать на теме тридцать седьмого года. Абуладзе кокетничает: а) своей смелостью; б) формальными находками; в) переключками с великими мира кино. Но эта смелость безнравственна, ибо он ничем за нее не платит, а художественная форма фильма слишком ладно скроена и сшита для окровавленной фигуры нашей страны – жертвы массовых репрессий тридцатых годов.

Аскетичный, бедный, чтобы не сказать – примитивный сюжет и вакханалия формальных приемов угнетают. Это не «правда о правде», а правда о Тенгизе Абуладзе, о том, какой он отважный и дивный.

Фильм насквозь вторичный, фильм – должник Поликарпэ Какабадзе, Роберта Стуруа, Федерика Феллини, фильм – воришка и обманщик, оболгавший то время и обманувший нашу жажду истины.

Факт его появления (дозволения) намного значительнее его самого, история его создания, хождения по мукам и выхода к зрителю куда показательнее того, что он сказал нам.

После просмотра – звонок Э.А.:

-Ну, как тебе фильм?

Я сказал, что у меня сложное к нему отношение. И попытался сформулировать, почему. Видимо, была у Э.Ш. потребность высказаться, раз не пожалел он сорока минут на это:

-После «Древа желания» Тенгиз Евгеньевич поделился со мной замыслом «Покаяния». Ну что ж, сказал я, пиши. И он писал, по-моему, три года. Потом принес, дал прочесть. Прочем и не спал всю ночь. Вспомнил детство, - был я тогда в четвертом или третьем классе, моего отца тоже едва-едва не арестовали... Вся родня моей жены была репрессирована, никого не осталось.

Говорю Абуладзе: -Обычным путем ты этот фильм не поставишь. Москва не пропустит. Намучаешься и – сломаешься. Давай искать выход.

Нашли. Я велел Совмину республики изыскать средства для постановки фильма, передать их нашему Гостелерадио, где Абуладзе и должен был сделать картину.

Уже потом, когда все было кончено, начались наветы и донесения, мол, сняли антисоветский фильм, а я считаю, что это острозлободневный фильм, направленный против злоупотреблений властью– эта «болезнь» всем нам угрожает, от инструктора райкома до секретаря ЦК, и каждый должен посмотреть картину.

Но тут меня перевели в Москву, и вопрос повис в воздухе. Все-таки я сказал М.С.:

-В грузинские дела я не вмешиваюсь. Но есть у меня один долг. Содействовал в планах одному хорошему режиссеру, а теперь не могу помочь. Если виноват – готов нести покаяние, но фильм – нужный...

Когда были в Польше на съезде, сказал Яковлеву. Он посмотрел и сказал, что можно разрешить показ. Потом посмотрели другие товарищи. Словом, дело в порядке. А ведь я настраивал Абуладзе на «поражение»: быть может, мы с тобой не увидим фильма. Готовься к этому, настраивайся на то, что не мы, а наши внуки посмотрят его.

Было бы о чем говорить, думаю я. Такую фальшивку преподнести грядущим поколениям... Но сам факт разрешения фильма – очень показательен.

16 сентября

В Нью-Йорк, Вашингтон, Оттаву, Мехико, Гавану

-Хэлло, мистер Рейган, хэлло, мистер Шульц!

А в портфеле пусто. А Данилофф висит на шее, и взбунтовались генералы. И нет директив. Но – едем!

В Америку со мной летит Грузия, ее жизнелюбивый, лукавый и грустный гений. Толстый ежегодник «Кавкасион», в последнюю минуту не без сомнений брошенный в дорожную сумку, обдает меня в самолете запахом жарящейся свинины, треском лозы, извивающейся в пламени костра, пронизывающим холодом предгорного зазимка, отраженным свечением дальних вершин, светом утраченных лет и невозвратного счастья. Кахетинский полдень и кахетинская полночь обволокли жаром и стынью, говором людей и тишиной долины, шорохами жухлой кукурузной чалы, и дыханием хмельных кувшинов, и явственно блеснули зубы в разверстых для песни и вина ртах, блеснули искры в густом виноградном броде, потекла в вечерней дымке вершинная гряда Тушетии. Я увидел рядом с собой Каху и его соседа-друга Тозо, сомлевших от чудес дружелюбия и виноделия, стариков увидел тамошних, степенных и несгибаемых, матершинников, охочих до бабьей сладости снохачей, до дна испивших горькую чашу жизни, но все еще цедающих оставшуюся хмельную каплю ее.

И оказалось невозможным совместить все это с моим полетом, с видами зеленой, брызжущей изобилием, Ирландии, ирландскими трилистниками на бортах самолетов и товарами в беспешинном шопе Шэннона, с космической сферой в заиндевевшем иллюминаторе, с холодным океаном под дюралевым крылом.

Все это – реальное, видимое, осязаемое – ушло, отступило перед живой плотью той, давным-давно отлетевшей жизни, частицей которой я был, есть и останусь навсегда.

Даже после смерти.

Я ощутил властный внутренний приказ. Пиши! Твоя прошлая жизнь так великолепна, так богата и красива, что даже здесь и сейчас в новом твоём бытии, она берет верх над ним.

Прилетели. В Нью-Йорке – плюс 18, довольно прохладно. Прохладно во всех отношениях. На пути в Вашингтон к встрече с Рейганом и Шульцем, встал Николас Данилофф, американский журналист, потомок декабристов, обвиненный в шпионаже.

Атмосферу не утеплит ослепительная улыбка Э.А., брызнувшая навстречу американским теле- и фотожурналистам. На вопрос о перспективах встречи с Рейганом и Шульцем ответил:

-Мы за прогресс. Следующий вопрос задайте господину Шульцу.

А господин Шульц демонстрирует твердость. Сегодня большую часть дня он публично высказывал серьезные предупреждения Кремлю в связи с делом Данилоффа. Он дает понять, что с замешательством покончено, и что при отсутствии прогресса США будут действовать» (Лесли Гелб, «Нью-Йорк Таймс»).

Когда во вторник сюда прибыл министр иностранных дел СССР, он обнаружил, что переговоры о советско-американской встрече в верхах уступили место обсуждению

проблем американского репортера Данилоффа, который является заложником советских властей». (Дэн Разер, Си-би-эс).

Ржавый, грязный, обезображенный спреем Нью-Йорк, разрисованные гнусными надписями вагоны и внезапная, как прорыв солнечного луча – надпись на устоях моста: «Кети, я люблю тебя!»

17 сентября

«Вашингтон Пост» и Си-би-эс: «Администрация намерена поименно назвать 25 сотрудников советского представительства при ООН, которые должны покинуть США к 1 октября».

Телеканал Си-эн-эн: «Шульц заявил: «Советую держать порох сухим... Я намерен пойти дальше, чем просто говорить об этом деле...»

Похоже, нас обижают. Оскорбляют. Заводят. Желают вывести из себя. И первая реакция оскорбленного «национального» самолюбия: «Ах, так...» Не ездить в Вашингтон, не делать подарка Ронни. По словам того же Гелба, президент загнал себя в угол, это самый большой и главный просчет его политики за почти восемь лет его правления». И вытащить его из угла может наше всепрощение, наша доброта, наша готовность разговаривать с ним.

Так думаю я, новичок. Но так же рассуждает и Тарасенко, ветеран американистики, давний житель волчьего логова.

Однако совсем иначе располагает наш патрон. В полдень нас приглашают в его кабинет. Он спокоен и рассудителен. Неоскорбительно отводит наши доводы. «Реагировать разумно, не поддавшись эмоциям. В Вашингтон поедем, но, если убедимся, что американцы хотят сорвать встречу в верхах – выступим с заявлением на пресс-конференции». Ну, конечно, руки связаны посланием М.С. А что в нем? Большой сюрприз для Уорреновича (? – прим. ред.), Америки, остального мира.

Но пока – молчок. Пока же во весь рост встал на пути худощавый потомок бунтаря-декабриста – Ник Данилофф. Думаю, что в его деле мы повели себя неумно, недалновидно.

№1078. В прошлом году его занимал А.С. Чернышев. Тогда он показался мне роскошным, сейчас – так себе. Тогда меня улещали, заманивали, привечали роскошествами вассальных дарений, сейчас же я один, ни на что не претендую, кроме одиночества и благорасположения соседа – С.П. Тарасенко.

Вечерний ТВ с богатой клавиатурой. Бейсбол. Команда Mets выигрывает кубок Восточного побережья. Си-би-эс подает эту новость как главную, вытесняя Ника Д. и Э.А. с первоэкранных подач. Обнаженное, ободранное, растасканное по кусочкам дернины на сувениры поле.

Шоу хохмача Карсона. «Советская ракета упала в Китае. Опасаюсь, как бы русские не ударили по Лос-Анджелесу. Ракета упадет в Канзас-сити»...**(пропуск)**

18 сентября

Утро. 67-я стрит. Лакированное автостадо у здания представительства. Девушка в брючном костюме, весьма мила, женственна, но сосредоточенное, несколько даже суровое выражение лица, дамская сумочка на наплечном ремне, в сумочке – автомат.

Девушка откидывает заднюю дверцу «ганшипа» (?), перекидывает ножку через борт и усаживается спиной к направлению движения. Сумочка прижата локтем.

Едем в аэропорт им. Кеннеди. Стадион Mets. Огромный транспарант September to remember. Летим в Вашингтон. В самолете вольно располагается советско-американское братство по оружию. Под крылом – милый Мэриленд, сельская идиллия и разумный урбанизм.

В Вашингтоне, на базе ВВС Эндрюс – холодный прием администрации и горячая атака журналистов. Нет Шульца, вместо него Роза Риджуэй, но пресса представлена самыми

громкими именами. Сыплет вопросы о Данилоффе, о высылке «двадцати пяти московских эмиссаров».

-Это незаконное, безответственное, плохое решение. Не исключаю ответные меры с нашей стороны.

-Состоится ли встреча в верхах?

-Мы к ней готовы. Дело за американской стороной.

Приезжаем в посольство, листаем газеты. «В «Вашингтон Пост» - тревога: не откажутся ли русские вообще от приезда в Вашингтон? Шульц грозит прервать встречу через пять минут, «если Шеварднадзе не проявит гибкость в вопросе о Данилоффе».

Ночуем с С.П. в т.н. жилом комплексе. Уют, комфорт, «Зенит» - телевизор в барочно-ампирном футляре. Роскошь по-американски: суперсовременная технология в квазистаринной упаковке.

19 сентября

День настал борьбы и славы... В Госдеп, в Госдеп!... Мисс Мислеви, она же пани Мислевецкая – из протокола гордая полячка рассаживает нас по карам. У меня с Сергеем Кадиллак № 4. Воеет сирена, вдоль тротуаров – шеренги любопытных, ни вражды, ни неприязни на лицах – почтение, ибо звук сирены – это песнь власти.

Туманный серенький денек. У врат госдепа встречают Роза Риджуэй, Армакост и ватага репортеров. В прошлые разы встречал Жора Шульц. Иные нынче времена. Но чем ледянее встреча, тем кипятковее журналисты. Милая у них манера хватать за полу проходящего мимо министра и орать ему в ухо: «Эй, скажи-ка что-нибудь!», «Стань у микрофона!», «Куда торопишься?».

В вестибюле пестро от секьюрити и флагов. Длинный ряд стягов, - государства, с которыми США поддерживают дипломатические отношения. Наш тоже обвисает среди них. Как-то сложатся дела?

На каком-то этаже комната в каком-то стиле, под старину, но старина деревянно-фанерная. Портреты, однако, подлинны – подлинных Монро, Клея, фарфоровые бюсты Джорджа Вашингтона и the old english gentlemen, букет искусственных цветов, опять же флаги – государственный США и Department of State, белый орлан, впечатанный во все окрестные предметы – столешницы, салфетки, дверцы шкафов, упаковку чая и кофе, печенья... И, - не вызывающая сомнения в подлинности густейшая концентрация ястребов и тигров антисоветизма.

Боже, куда я попал? Какая компания! Мэтлок, главный советник президента по советским делам, Риджуэй, ее заместитель Сайменс, главный теоретик военного давления на СССР, зам. Уайнбергера Ричард Перл, спонсор госсекретаря Кэлб, посол Хартман... Секьюрити в юбках, весьма, надо сказать, милые, блокируют дверь, в которую вошли Шульц и Э.А.

Иссиня черный армянин (а, может – мексиканец или еврей) в смокинге разносит чай, кофе, пироженные. «Стороны» ведут светскую беседу о том, о сем (например, о знании языков), атмосфера клубная, никакой нетерпимости, никаких острых тем, только Мэтлок на сноском русском языке жалуется на советские газеты, «извратившие суть моих высказываний в Юрмале».

Покалывает сердце. Я все жду, когда сработает обещанный пинок господина Шульца. Намеченный ультимативный срок – 5 минут – истек, а нас не выставляют за дверь. Проходит еще десять раз по пять минут и еще столько же, а они все беседуют.

Советник-посланник Олег Соколов выводит меня на балкон. Долина Потомака освобождается от дымки, солнце пробивает облака и приступает к делу. Обливает золотым светом беломраморный мавзолей Линкольна, подчеркивает ажурную легкость Арлингтонского моста, струит в голубеющее небо монумент Вашингтона, рисует взлетные полосы, откуда через каждые две-три минуты взлетают красивые и сильные машины.

Красивая, сильная, свежая страна, но сколько же в ней спеси и дурости!

Дело Данилоффа не должно перевешивать дело мира, но, с другой стороны, не может не вызывать уважения государство, готовое бросить на чашу весов все ради спасения одного-единственного своего гражданина.

Тогда и гражданин скажет: «Государство – это я».

Сужу об этом «от противного». После Чернобыля, после «Адмирала Нахимова», после 33 солдат СА, уничтоженных в Афганистане атакой с воздуха, чтобы они не попали в плен к душманам, а затем – под опеку Международного красного креста в Женеве...

Сколько себя помню, нам внушали одно: интересы общества превыше иных интересов. А из кого состоит общество? Из людей. Общество, состоящее из людей, которые постоянно делегируют свои права и интересы ложно понимаемому государственному интересу – деградирует. Не следует ли перестроить угол зрения – взглянуть на общество сквозь призму интересов личности?

Они беседуют уже третий час. Вдруг возникает легкий переполох. В.А. Микольчак шепчет мне: «Они увезли министра к президенту». Переполох нарастает. У А.А. Бессмертных в портфеле – послание М.С. Горбачева Рейгану. Министр ехал без него.

Нам предложено возвращаться в посольство.

У выхода – рев репортерской братии. «Где министр иностранных дел?» Через час возвращается министр и картина проясняется.

Встреча с Рейганом не планировалась: «В расписании Белого дома нет свободных «окон». Во всяком случае, нам ясно дали понять, что мы нежеланные гости». Но когда Э.А. сказал Шульцу о послании М.С., госсекретарь пошел звонить президенту. Тот сказал: «Давай!» И Шульц вывел Э.А. чуть ли не через подземный ход, посадил в машину и повез в Белый дом. Дима Казачкин повез туда послание, с трудом проник в Овальный кабинет. Рейган сразу же ринулся в атаку – сначала на Маркса, потом на «империю зла», КГБ, состряпавший дело Данилоффа. Говорил раздраженно, нервически, несобранно.

Э.А. изложил послание М.С., несколько поубавив пыл президента. Ответ, однако, был связан с решением дела Данилоффа. Говорили минут 50.

Вечером – продолжение переговоров, на этой раз – в полном составе делегаций.

James Madison dining room. Картина в золоченой раме – Ниагарский водопад, хрустальные вазы, серебряная посуда в поставце. Старинные часы – напольные, инкрустированные изображением орлана, символа Department of State. Часы истории? Но они стоят.

У Шульца лицо умного породистого сеттера. Слушает настороженно, пронзительно всматриваясь в собеседника. Голубоглазый, легкий загар, серый костюм, зеленый галстук. Пол Нитце листает документы, высунув язык, Перл откровенно скучает, Риджуэй хмуро глядит на Э.А., Мэтлок дремлет, Перес и Саймонс пишут. Перл похож на тифлисского армянина. Начес седых волос, поросшие шерстью смуглые кисти рук, золотые часы.

Атмосфера намного аскетичнее, чем в Лондоне. Там, особенно в Чивинге, был нескончаемый парад раритетов, здесь – шаткий стол, деревянные колонны и арки, окна в жалюзи, выходящие на Потомак, мраморный барельеф Джеймса Мэдисона - четвертого, кажется, президента США, несколько приличных пейзажей, писанных маслом, один недурной, маслом же писанный, натюрморт... И, когда ехали сюда, один из четырех роскошных госдепартаментских Кадиллаков не завелся, и мне пришлось пересест в посольскую машину.

Она не так богата, эта Америка, как хочет выглядеть, и уж совсем бедна она своим прошлым, в котором так мало страданий и бед, что на все сегодня она смотрит порочными глазами дурно воспитанного подростка, привыкшего требовать и не встречать отказа.

Немногие американцы понимают это, а те, что понимают, опасаются прилюдно говорить об этом, ибо «демократическая масса», диктующая любезные ей правила игры, не примет подобных исповедей.

Мне кажется, Шульц – один из этих немногих. Он богатый человек, образованный, с хорошими манерами и прекрасной речью, но у моего гурийца перед Жорой огромные преимущества, которые тому и не снились. У него за плечами – века гурийской взрывчатости и неповиновения, погибшие и изувеченные на войне братья, скальный массив истории, прикоснувшись к которой, он ощущает обжигающие, болезненные и сладостные уколы родства с множеством людей. И все это делает его сильнее, сводя на нет образованность и лоск Шульца, его внутреннее высокомерие, порожденное силой и богатством его страны.

20 сентября

Шульц: По поводу переданного президенту послания хотел бы высказаться весьма осторожно...

За столом переговоров те же плюс адмирал Пойндекстер, маловыразительный и заурядный внешне советник Рейгана по национальной безопасности. Нитце, старый шут гороховый, нацепил синий галстук с гербами СССР, США и Финляндии.

Э.А.: Мы считаем, что самое перспективное направление сейчас – запрещение испытаний ядерного оружия. Я бы не хотел, чтобы эта тема была закрыта.

Шульц: У нас есть пословица: «Не надо бежать прежде, чем можешь просто идти». Прежде чем бежать куда-то, мы могли бы какую-то часть дистанции пройти обычным шагом». Давайте ратифицируем договор о пороговых параметрах испытаний.

Э.А.: Подписание договора о порогах по существу ничего не меняет. Разве что еще более ухудшит положение.

Шульц: Мы должны с чего-то начать. Мы считаем, что вы превышаете пороги, вы, в свою очередь, что пороги превышаем мы.

Э.А.: Это пора сдать в архив.

Шульц: Да, в течение этого года вы не превышали. Но у вас такая обширная территория, что контролировать ее всю невозможно. Но лучше давайте начнем с того, что можно сделать.

Э.А.: Я вас не убедил, и вы меня не убедили. Но поиски надо продолжать.

Шульц: Поиски надо продолжать, а лучшее место для этого – переговоры в Женеве.

В таком же духе они перебрасываются стрелами – о средних ракетах в Европе и Азии, Шульц просит серьезнее отнестись к СОИ, Шеварднадзе обещает подумать; Шульц хохмит о стоящих часах, из-за которых он рискует опоздать к нам на обед.

-Мы разочарованы вашим поведением в Вене. Может, на этой веселенькой ноте нам прерваться, чтобы окончательно не испортить себе аппетит?

Аппетит у «сторон» был отменный. И на ланче в Госдепе, и на обеде в нашем посольстве. В Госдепе было больше изыска, в посольстве – больше еды. Там при свечах играл красномундирный оркестр, здесь – правила балом посольша Седа, моя землячка.

Она соорудила сациви и лобио, но миссис Шульц не переплюнула.

Миссис жаловалась: «Нам так не хватает Добрыниных!», Саймонс показывал бювар, за которым Джефферсон подписал какую-то декларацию, хвалил Перла за интеллигентность, а Перл страдал от атак моего патрона. Тот призывал Ричарда пересмотреть отношение к Кубе и самолично убедиться в грандиозных успехах кубинского народа.

Перл вежливо молчал. Саймонс шепнул: -Куба – большое для нас место.

Еще бы, подбрюшье.

Колебались языки пламени, отражались в темном масле портретов, Шульц говорил проникновенную речь, и было доброе, умиленное состояние души.

А потом – на переговорах:

Шульц: Мы выступаем за резкое сокращение стратегических наступательных вооружений, в первую очередь – ваших баллистических ракет, представляющих наибольшую угрозу для Америки.

Сосредоточимся на боеголовках – основной угрозе стабильности. 6400 боеголовок – слишком высокий потолок. Мы могли бы принять 5500 – несколько ниже ваших наметок и несколько выше – наших.

Мы готовы ограничить крылатые ракеты воздушного базирования. И я считаю, что это был бы шаг навстречу вашим пожеланиям.

Ваша озабоченность по поводу СОИ учтена нашим президентом. СОИ приведет к полной ликвидации СНВ.

Первая ваша озабоченность: космические вооружения могут быть использованы как наступательное оружие. Это неразумно. Лучшая эффективность наступательного оружия может быть достигнута лишь при прямом его проектировании. Однако мы стремимся включить ваши мысли в наши предложения. И если Перл с ними согласится, значит, все согласится.

Независимо от того, что здесь говорится или пишется, мы выступаем как единая делегация. И если Перл скажет что-нибудь не так, то я ему, Перлу, голову оторву.

Все смеются.

Э.Ш.: Если бы не Перл, то я кое-что сказал бы о Пентагоне.

Шульц: Вы можете говорить что угодно о Пентагоне – Перл не будет краснеть: он привык к тому, что о Пентагоне никто никогда ничего хорошего не говорит.

Вы постоянно твердите об уничтожении всех баллистических ракет. Давайте, начинайте – мы вам верим. Может быть, после вашей трагедии в Чернобыле мы все стали немного трезвее. По сравнению с Чернобылем последствия от взрыва баллистической ракеты были бы в два-три раза тяжелее... Мы не можем соблюдать соглашения, которые нарушаются другой стороной...

Пять часов вечера. К этому времени переговоры должны были закончиться. Не закончились, и я потихоньку загибаюсь. Очень хочется спать. А миссис Риджуэй - страстная курильщица, она отпрашивается у Шульца – якобы по делам.

Шульц: К вопросу о доверии. У нас в ресторанах популярна вывеска: «Богу мы верим, от остальных требуем деньги». Кроме ваших заверений нам хотелось бы иметь нечто более существенное...

Слово берет Перл.

Э.А.: О, я вижу, что в дело включается тяжелая артиллерия.

Перл: Не знаю, насколько серьезно вы хотите обсуждать вопрос о Красноярской РЛС.

Э.А.: Настолько, насколько серьезно вы готовы обсуждать положение вокруг своей РЛС в Гренландии.

Идет разговор – как у глухих. Только если те с помощью жестов еще могут кое-что сказать друг другу – эти вообще ничего не могут. И лишь о «деле Данилоффа» они высказываются внятно: продолжим переговоры в Нью-Йорке.

Пресс-конференция в Вашингтоне. Все – о Данилоффе.

22 сентября

Организация Объединенных Наций, сессия Генеральной Ассамблеи ООН.

Выступает король Испании Хуан Карлос. Выход обставлен весьма торжественно. Король изрекает весьма крамольные для своего звания истины:

-Тот, кто попирает права человека и поощряет насилие, лишает будущего свою страну...

-Государственная власть, чтобы быть законной, должна опираться на этику...

Браво, Хуанито! Да здравствует феодализм – светлое прошлое всего человечества!

Председатель: Прошу господ делегатов оставаться на своих местах, пока я сопровожу Его Величество...

Следующим должен выступить Его Превосходительство, Президент Соединенных Штатов Америки Рональд Уорренович Рейган. Атмосфера – как в боксерском зале перед выходом на ринг чемпиона-тяжеловеса.

Некто, весь в белом, поднимается на трибуну, являя собой безмолвный укор аудитории: - Что же вы не угомонились?

Отовсюду выпирают знакомые лица – Геншер, Хау, Шульц... Появился Кэлб.

-А теперь перед Генеральной Ассамблеей выступит Его Превосходительство Президент США господин Рональд Рейган. Я прошу главу протокола сопроводить его в зал.

Аплодисменты.

Рейган выходит из-за кулис и усаживается в белое кресло. Трон, венценосец перед тронной речью. Навытяжку стоят brave секьюрити.

-Имею честь приветствовать Его Превосходительство и предоставить ему слово.

Аплодисменты.

Рейган: -Недалеко от этого зала есть место, где каждый может провести в размышлениях несколько минут...

Потом мы узнаем, что Рейган имел возможность размышлять в застрявшем лифте, из которого его пытался извлечь охранник. Но эта трагикомическая ситуация никак не сказалась на его речи, произнесенной с хорошо отрепетированным пафосом полужизни американского кино.

Это был яркий образчик риторики, но не больше. Нерва не было в речи – был надрыв.

У Ронни хорошие спичрайтеры, но на сей раз они подвели его. Речь началась как маятник – от изложения послевоенных событий до «дела Данилоффа», которому «даже угрожает смертный приговор». Он говорил о неправильном использовании ООН, «в качестве гнезда для шпионажа» и о 50-процентном сокращении межконтинентальных баллистических ракет, давал гарантии того, что наступательные космические вооружения не будут размещены в космосе, а СОИ – не будет использована для нанесения первого удара, высказывал гордость достижениями США в области ядерных испытаний, но тут же призвал заключить договор о порогах.

«Наше терпение лопнуло. Мы предупреждаем потенциальных покровителей терроризма...»

Далее последовали угрозы в адрес представленных в ООН государств, оскорбление их различными кличками.

Пассажи типа «экономическая свобода является продолжением политической свободы», права человека – основное звено свободы, основа любой структуры мира» - тоже оставили зал равнодушным.

Под конец Рейган потревожил тень Фолкнера, который «говорил о правде сердца», процитировал великого южанина, походя переврал его и сошел с трибуны под жидкие аплодисменты, и оседлал белое кресло, как белого коня.

Прошу всех оставаться на своих местах, пока я и Генеральный секретарь сопроводим Его Превосходительство...

Но я не смог остаться на месте и потопал к скамьям советской делегации, чтобы сказать своему патрону:

-Он подставился, и мы его за это...

-Да, он подставился, и вы, пожалуйста, подумайте, как лучше завтра ответить ему.

Чувствовалось, Э.А. хотел бы ответить Рейгану по каждому пункту его речи.

Пока мы обдумывали ответ, пока писали его, Э.А. провел сенсационную встречу с премьер-министром Израиля Шимоном Пересом.

Шимон начал так:

-Я очень рад нашей встрече. Являюсь большим поклонником поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Сам Я не витязь, и не тигр, и надеюсь на то, что мы сможем провести с вами серьезный и глубокий разговор...

Тут С.П. вспомнил, что во время переговоров с премьер-министром Турции Озалом тот сказал о давних узах близости турецкого и грузинского народов.

На что Э.А. ответил:

-Продолжая в таком духе, можно даже общих родственников обнаружить.

Израильтянин пытался пощупать ту же «грузинскую точку».

-В истории грузинского и еврейского народов много общего – давние, глубокие традиции и единые чаяния.

Выдал хохму:

-Легко сделать омлет, разбив для этого яйца, но никто еще не придумал, как вернуть омлет в состояние яйца.

Э.А. –Может быть, это удастся сделать с помощью технологий, о которых говорил сегодня президент Рейган...

Перес: -Перед встречей с вами я говорил с евреями, выехавшими из Грузии. При вашем руководстве им жилось там спокойно, и тем не менее они стремились в Иерусалим, который для нас больше чем родина.

Думаю, было бы уместно, если бы вы поискали возможность для того, чтобы имевшее место при вас в Грузии приняло более широкие масштабы.

Ничего путного из этой встречи не вышло, но она наделала шума. А мы тем временем сидели в комнате № 6 и отливали пулю для мистера Рейгана.

23 сентября

Наш день на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Полупустой зал при зажигательных речах тунисца и панамца.

Пустая ложа «А». На креслах – пластмассовые таблички с надписью reserved. Усаживаемся, сбросив таблички на пол. В соседней ложе «С» располагаются болельщицы – Нанули Рожденевна Шеварднадзе и миссис Шульц.

Зал заполняется до отказа. Интерес подогрет газетами, сообщившими о намерении Э.А. отвечать Рейгану по поводу «дела Данилоффа».

Ничего подобного в нашей речи нет. Есть пассаж о неуместности полемики с президентом. Есть яркие фрагменты. Есть находки. Есть, как напишет «Гардиан», презрение к США.

Дважды по ходу выступления – аплодисменты. Оратор воодушевляется, чеканит фразу, жестикулирует. Каждый жест – вздернутый вверх палец или стиснутый кулак - вызывает фотозалпы. Явный «звездный час», миг окрыленности. Это состояние передается залу.

Чувствую себя победителем. Рейган размазан. Рядом ерзает Сергей: переводчик отстаёт от оратора. Англичанин, отбросивший подготовленный нами перевод и начавший переводить с листа. Зашился, потому что текст явно непривычен. К счастью, текст роздан, и делегаты сверяют его с переводом.

Аплодисменты. Шульц вскакивает со своего места и буквально бежит к выходу. Позже он скажет Э.А.: «У вас была сильная речь, хотя не со всеми ее положениями я согласен».

У Э.А. переговоры, кажется – с киприотом. Иду за ним, счастливо возбужденный. Продан – за что? Вот за эти мгновения. Станный способ самовыражения, но по-своему сладостный. Беру свой «гонорар» - фотографируюсь в зале заседаний Совета Безопасности.

Потом – обед в резиденции Переса де Куэльера. Очаровательный особнячок у Квинсборбридж. Секьюрити ООН, отборные парни – навытяжку. Тьма раритетов и картин из Метрополитен мьюзеум. И масса комплиментов. Сосед справа, индеец, шеф какого-то департамента ООН: «Это какой-то новый стиль!» То же самое говорит Куэльер, благодарный Э.А. за упоминание в речи его персоны.

Светская болтовня. Я глух и нем – без языка. Соседка-англичанка сразу утрачивает ко мне интерес. Нанули мило кокетничает:

-Если бы знать, что выхожу замуж за будущего министра иностранных дел - обязательно выучила бы английский язык!

Э.А. – серьезно:

-У нас было трудное детство, не до изучения языков. Хозяин и его очаровательная жена вежливо улыбаются. Куэльяр недавно перенес операцию на сердце – четыре шунтировки, но внешне выглядит молодцом.

У меня здесь свой «навар» - «моя» речь. Если даже эти уловили, как изменились публичные выступления советского министра – значит, мы с С.П. чего-нибудь да стоим.

Вечером заваливаемся с Джикия и его приятелем-коммерсантом из советско-американской ... компании в какой-то «Версаль». Салат из креветок, наперсток «Смирновской», стейк, полупустой зал и бедное, со штопкой на колготках гёрлс, полуголое шоу, завершившееся патриотической песенкой на фоне статуи Свободы – все это обошлось в 300 долларов.

Вот она Америка! – как восклицает Генрих Боровик.

Грандиозный вид Манхэттена из грандиозной квартиры на Манхэттене ж, стоимостью в 3 тысячи долларов в месяц. Вот она, Америка! Но сегодня мы ее обставили.

24 сентября 1986 г.

Фотография в «Нью-Йорк Пост»: «Э.А. секретничает со своим сотрудником». Сотрудник – я. Схвачено телевиком с большого расстояния, детали «заговора» переданы верно, но текст остался за кадром. Текст элементарный и озорной: «Давайте размажем его по столу».

Размазали. «Нью-Йорк Таймс» полностью опубликовала речь Э.А., отметив аплодисменты, которыми она была встречена, и отсутствие таковых при выступлении Рейгана.

«Гардиан»: «В очередном своем эффективном и эффектном выступлении, которые все более становятся отличительной чертой г-на Шеварднадзе...»

Начались рабочие будни. Встреча с японцами. Престарелый преемник Абэ – Тадаши Куранари. Старый знакомец – шеф европейского департамента МИД Японии. Застарелые темы бесед – визит М.С. в Японию и северные территории.

-Когда к нам приезжал Микоян, в Японии произошел «бум Микояна». «Бум Горбачева» превзойдет его.

Поездка к французам – отель «Плаза», официальная резиденция Ширака. В узких коридорах и переходах – баррикады из живых журналистских тел. Баррикады выстреливают один вопрос. Зычный, грубый и вместе с тем – вкрадчиво умоляющий голос:

-Мистер Шевенадзе (именно так!), ответьте на один вопрос...

Этот вопрос о Данилоффе.

На что «мистер Швенадзе» говорит:

-Мы приехали к премьер-министру Франции. Спрашивайте о советско-французских отношениях.

Супермен Ширак начинает разговор с сетований на свертывание торгово-экономических отношений. Э.А. расхваливает перестройку в этой захудалой области нашего Отечества.

Разговор на сороковом этаже «Плазы», в роскошном и изысканном холле, парит в безвоздушном пространстве взаимного непонимания.

Когда-то Рэмон – сам слышал – согласился с нашей идеей конференции по Ближнему Востоку. Теперь Ширак осторожно изыскивает отходы на запасные позиции.

Едем к китайцам. Опять репортеры и опять все тот же вопрос о Данилоффе. Государство, которое так защищает одного человека – очень уважает себя. Здесь простая логика: если хочешь, чтобы тебя (правительство, власть) уважали – уважай меня, гражданина. Или, по крайней мере – делай вид, что уважаешь.

А в «Китае» - комфортабельном особняке китайского представительства - возникают стародавние три препятствия, с упором на «вьетнамско-кампучийское», звучат осторожные высказывания о владивостокской речи М.С. – с акцентом на советско-китайскую границу по фарватеру рек. Зеленый чай, миниатюрные пирожки, сигареты в консервных банках и классический стиль азиатской дипломатии. Странно, столько дряни наворочено между нами, а у меня эти оппоненты вызывают симпатию. Наверное, это отношение – пятидесятих годов, со времен песенки «Сталин и Мао слушают нас, слушают нас...»

Эти нас не слушают – прислушиваются. И делают все по-своему. В изысканно-вежливой форме дают отвод обмену визитами министров индел, но очень мягко и цепко настаивают на объявлении о возобновлении переговоров по пограничным вопросам.

Эдик прекрасно проводит беседу. Два восточных человека – он и Чжао Цзыян – достойны друг друга. Пусть они ни о чем не договариваются – они понравились друг другу, а это уже немало.

25 сентября

Обед у Геншера. Пускается в воспоминания о встречах в Москве, переговорах с Генеральным секретарем. Ритуальная прокладка к дипломатическому застолью. Э.А. спешит перевести разговор в деловое русло.

-Европа ликует в связи с успехом Стокгольма. На очереди – Вена. Нам надо там дружно поработать.

Геншер откликается горделивой фразой:

-Я говорил о том, что 1986 год может стать вековым.

Но:

-Мне врезалась в память фраза вашего генерального секретаря о том, что вы не намерены выламывать нас из круга наших друзей.

Подают напитки. Ганс-Дитрих хохмит:

-Мы учли ваши порядки и предлагаем вам широкий диапазон напитков.

Шнапса, однако, нет, как нет и пива.

Разговор за обедом вертится вокруг Европы – с «заходом» в Америку.

Э.А.: -Немного обидно, что американцы так мало говорят о Стокгольме. Венская встреча должна закрепить успех. Хорошо бы нам заявить об этом еще до начала дискуссии. Ее ведь нельзя вести бесконечно долго.

Геншер: - Итоги Стокгольма невозможно переоценить. В Мадриде возник вопрос, не срывается ли общеевропейский процесс. И Стокгольм поначалу не давал повода для оптимизма. А сейчас возникла динамика, которую следует всячески поддерживать, чтобы Венская встреча по всем направлениям дала нам прогресс.

Исподволь переводит разговор на «свою» тему:

-Общественность недооценивает те ужасные последствия, к которым приведет столкновение с использованием обычных вооружений.

Э.А. гонит шайбу на другой, более важный для нас участок поля.

-Для Европы не имеет абсолютно никакого значения, где будет взорвана ядерная бомба. При всех условиях и обстоятельствах это будет концом Европы, как и всего мира. Я не хочу снимать с повестки дня вопрос об испытаниях ядерного оружия.

Геншер: -Особенность нашего поколения в том, что нам предстоит решать две проблемы одновременно: остановить спираль гонки вооружений и создать условия для безопасного развития мирной ядерной энергетики. Такова эта уникальная постановка вопроса. Нам хотелось бы сотрудничать с вами, перешагивая через барьеры различий. Если откуда-то надвинется ядерная туча, партийный билет в кармане пиджака не будет иметь никакого значения.

Э.А. –О том же самом говорит М.С.Г.: «Мир – высшая ценность». Отношение к этому идеалу проверяется делами, практикой. У президента США какая-то необъяснимая аллергия к нашему мораторию и нашим предложениям о прекращении ядерных испытаний. Может, вы ответите, почему нельзя прекратить испытания? Если это сделают американцы, то французы и англичане последуют их примеру.

Геншер: -Наша позиция известна: надежный контроль за прекращением ядерных взрывов... Я был бы чрезвычайно благодарен вам за информацию о советско-американских отношениях.

Э.А.: -Я не считаю, что вопрос, поднятый мной, исчерпан вашим ответом. Никакой проблемы контроля при полном запрещении ядерных испытаний не существует. Проблема есть, когда речь идет о порогах...

У ФРГ есть большие резервы, чтобы сказать по этому поводу свое веское слово.

Геншер: -Мы продолжаем работать.

Э.А.: Что же касается наших отношений с американцами, то ничего нового я вам не скажу. У вас свои контакты с США и соответственно – информация. Но все-таки кое-что мы вам скажем...

Излагает нашу позицию.

-Как будто бы дело движется в нужном направлении, есть прогресс. Но вдруг, когда кажется, что развязка близка – возникает искусственный завал в виде дела Захарова-Данилоффа или истории с высылкой наших дипломатов. Будто только перед моим приездом узнали об их шпионской деятельности.

Сегодня состоится еще одна встреча с Шульцем. Уверен, что решение найдет.

Геншер: -Надо найти. Ко всему прочему затронут престиж президента, а к вопросам престижа надо относиться мудро, с пониманием.

Э.А.: -С пониманием надо оценивать ту внутреннюю борьбу, которая разворачивается в близком окружении президента.

Геншер: -Вот и надо помочь здоровым силам...

Э.А.: -Итак, у них есть соображения престижа, а у нас – нет... Так по-вашему получается?

Геншер переключает рычаг на прямую и грубую лезть:

-Слушая вас, проникаюсь уверенностью, что рано или поздно мы сообща достигнем желаемых целей – недалек тот день, когда мы придем к общему знаменателю в вопросе о полном запрещении производства и использования химического оружия.

Э.А.: -У меня есть огромное желание присутствовать при подписании этого исторического акта.

Геншер: -И я там наверняка буду.

Э.А.: -Если не помешают американские бинары...

Геншер: -Если подпишем, то их не будет.

Э.А. –Получается, что американцы заставляют нас работать...

Похоже, что эти двое остались голодны, ибо они только разговаривали. Зато я навернул, особенно в конце, когда появились тончайшие блинчики в лимонном соусе. Разговор о бинарах отнюдь не лишил меня аппетита, как, впрочем, и остальных.

Э.А. с Геншером удалились во внутренний дворик пить кофе и разговаривать с глазу на глаз, а мы поднялись на второй этаж, где Рудольф Алексеев затеял спор о двойном решении НАТО и довооружении и был бит, главным образом, - из-за слабого знания языка.

26 сентября

Перестали участвовать в переговорах. Патрон накидал заданий: тут тебе и тронная речь перед активом, и заявление на предстоящей пресс-конференции, и будущие речи в Канаде...

Вся Америка, все ее чудеса, возможности и невозможности вместились для нас в комнату №6 с двумя столами, настольными лампами и письменными принадлежностями.

Пластиковые стены, расписанные под мрамор, ни окна, ни форточки, только кондишн, неутомимо втягивающий в себя наши не вполне пристойные разговоры.

Но ветер свободы так манящ и заманчив. Во второй половине дня совершаем прогулку до «Плазы». Знаменитая площадь пропахла конской мочой. Иные вдыхают ее запах с наслаждением, ибо это в известном роде запах богатства. Только постояльцы отеля «Плаза» - а ими могут быть только очень богатые люди – в состоянии нанимать конные экипажи. В изобилии располагаясь вокруг фонтанов, холеные лошадки забрасывают площадь кучками

духовитых испражнений. Испарения от них овевают стены офисов «Гиффани», «Дженерал Моторс», «Трум»-а. Стекло, бетон, золоченые рамы витрин и запах конского дерьма. Выходим на пятую авеню. Какое разнообразие лиц и судеб! А нам она известна по одноименному фильму с одним единственным героем – неким Маури, то ли провокатором, то ли шантажистом, то ли святым.

И только мы поминаем Маури, как навстречу – нищенка, и тотчас автоматически рука тянется к карману – за мелочью, но бдительный С.П. пресекает подаяние:

-Нельзя! Вы официальный представитель!

Воспоминания о лондонском мосте Ватерлоо.

Заходим в книжный магазин фирмы «Даблдэй». Дурманящее изобилие книг. Сергей выбирает какую-то «Медсин оф лав», я просто шарю глазами по полкам и набредаю на «Сандро из Чегема» Искандера с печатанным в обложку усатым дядей Джо.

Повышенная концентрация антисоветчины на этой пятой авеню. Столбы обклеены рекламными листками с танцующими гопаками украинцами. Шоцэтэкэ? Фольксфестиваль в честь пятидесятилетия голода на Украине.

Вечером Джикия везет к паромной переправе. Нормальная Америка в «фордах» и «плимутах», на «исузу» и «яшиках» въезжает в разверстый зев парома, чтобы через Гудзон переправиться на Стейтен Айленд.

Сечет косой дождь, штрихует удаляющийся Манхэттен, возникающую во тьме статую Свободы. На крытых палубах будничная, сонная после трудового дня жизнь. Усталые люди, девушки с вокменами, фотографирующаяся парочка. Америка трудяг и иммигрантов. С наслаждением вгрызаюсь в купленный тут же гамбургер, запивая его баночным пивом. Будто святых тайн этой страны приобщаюсь.

Туда и обратно – чуть больше часа, а как много увидено.

На обратном пути – бедлам Гринвич вилледж. Уговор: завалимся сюда при первой же возможности.

27 сентября

Визит Франции. Франции с грузинским оттенком и привкусом. Уже в прихожей роскошного особняка французского представительства нам подают сациви. Эрзац-сациви, нечто весьма отдаленно напоминающее этот шедевр мингрело-имеретинской кухни, и все же – сациви.

Таков сюрприз нашего хозяина, представителя Франции при ООН господина Клода де Кемулария.

В гостиной у него висят два Коро, два Матисса, два Ренуара и множество фотографий, среди которых – портрет черноглазого мальчика.

-Внук. Моего отца звали Иосиф Григорьевич. Внука зовут Грегуар, то есть Григорий. В нем лишь одна восьмая грузинской крови, а как похож на грузина!

Если от господина Клода де Кемулария отбросить «Клода де», если отнять у него Коро, Матисса, Ренуара, портреты де Голля, Ширака, Рэмона, розетку почетного легиона, то останется заурядный мингрелец. Но ни отбросить, ни отнять у него ничего нельзя, он стопроцентный француз, а это псевдосациви – жалкая дань его полузабытому грузинскому происхождению.

-Сациви? – удивляется Э.А. – Если об этом узнают грузины?

О, действительно, если об этом узнают.

В столовой, однако, такие подлинники живописи, что как-то неловко говорить об имитации кулинарно-гастрономического искусства. И французская кухня нешуточно начинает заявлять о себе. И Рэмон, отвергая закуску, начинает пытаться Э.А. по поводу ближневосточной конференции.

Э.А. отвечает иной географией – Стокгольмом: - Я заметил, как оценил его Геншер – как триумфальный успех. Хорошо, что все это происходит перед Венской встречей. И нам с вами здесь неплохо бы определиться по ряду направлений, например, на каком форуме

обсудить вопросы вооружений. Я считаю возможным передать часть мандата Венских переговоров Стокгольму-2.

Многие склоняются к этому. Хорошо бы нам согласовать свои позиции по Ближнему Востоку. С учетом ирано-иракской войны никто не возьмется предсказывать дальнейшее развитие событий.

Насколько я понимаю, большинство государств, кроме США и Израиля, не выступают против самой идеи конференции по Ближнему Востоку. Я затрагивал этот вопрос в разговорах с американцами, но прямого ответа не получил.

Рэмон: -Зато я беседовал

с господином Шамиром (**пояснить**)¹ и просто не знаю, какой вывод сделать. Господин Шамир против конференции...

Но сначала – о Стокгольме. Согласен, это вдохновляющий успех. Что же касается его второго мандата, то определить его предстоит Венской встрече.

Вернемся на Ближний и Средний Восток. Война между Ираном и Ираком становится все более дестабилизирующим фактором для положения в регионе. Особенно обеспокоен Кувейт – война полыхает в 118 километрах от его столицы. Мы предлагаем обратиться к воюющим странам с призывом о прекращении огня. Государство, которое не согласится прекратить огонь, будет подвергнуто различным санкциям. Как вы относитесь к этой мере?

Э.А.: -В принципе положительно, хотя я не уверен в результативности этой меры.

Встреча с иранским коллегой убедила меня в том, что имам считается только с Аллахом.

У меня такое впечатление, что остановить их невозможно. Религиозный фанатизм удешевляет их решимость достигнуть единственной, как утверждают иранцы, цели в этой войне: свергнуть режим Хусейна.

Но у меня есть кое-какие связи с нынешним председателем Совета Безопасности (реверанс в сторону Белоногова), и в принципе можно попробовать.

Рэмон: -Итак, как бы вы отнеслись, если бы государства Залива решили внести свою резолюцию?

Э.А.: -Сначала – призыв, потом – санкции. Если сразу поставить вопрос о санкциях, то единства в Совете Безопасности не будет.

Давайте поставим такую задачу перед нашими представителями – может быть, что-нибудь и получится...

Рэмон: -О чем бы вы хотели еще побеседовать?

Э.А. –Конечно, о советско-французских отношениях. Это самая приятная тема. Менее приятна тема – советско-американские дела. С американцами здесь мы в общей сложности проговорили 22 часа и, кажется – бесполезно.

Если возьмем на вооружение стокгольмский опыт, то вполне можем подписать историческое соглашение по химии.

Рэмон: -Наши должностные лица предварительно должны провести консультации.

Э.А.: У англичан есть интересные предложения. Англичане ведь не всегда бывают правы.

И по космосу тоже есть кое-что. Если помните, мы внесли предложение о создании всемирной космической организации.

Так что нам есть о чем консультироваться. Давайте продолжим консультации по этим вопросам.

Рэмон: -Нас беспокоит проблема наших экономических отношений – несущей [конструкции] франко-советских отношений вообще...

Приносят скандал со свечей и сигары.

Кемулария: -Это не французские, это кубинские...

Рэмон: -Нам нужны крупные проекты.

Э.А. –Любые – и мелкие, и средние. Речь идет о совершенно новом подходе.

¹ Имеется в виду Ицхак Шамир – в 1986 г. – министр иностранных дел Израиля. Прим. ред.

Кемулария: -Да, но нам нужны и крупные люди типа Арманда Хаммера...

Э.А.: -Не случайно мы назначили послом во Франции – Рябова.

Рэмон: - Пользуясь случаем, господин министр, я публично возобновляю вам приглашение посетить Париж...

Ах, Париж, это было бы так мило – спустя двадцать лет вновь прогуляться по Бульмиту(**проверить**). Хотя, фига, - где это у тебя есть время для прогулок по бульварам?

В сутолоке проводов г-н Кемулария подсовывает книгу почетных гостей и просит расписаться. Расписываюсь по-грузински.

-О, мы, грузины, созданы для политики...

Трепач он, этот мингрел-француз.

Проникновение в Гринвич вилледж. Часовое кружение вокруг Вашингтон-сквер и пятой авеню в поисках парковки. Машины стоят тесно и лишь у гидрантов образуются свободные пространства. Пятачки у гидрантов неприкосновенны.

Находим место на какой-то мрачной, грязной улице, запираем машину, пересекаем сквер, пересекаем плотную толпу юных чудищ марсианско-разбойничьих обличий и одеяний. Обритые наполовину или на треть головы, вздернутые петушиные гребни, жутко размалеванные лысины и лица, кожаные жилеты и куртки, цепи, ордена, плети, безумные взгляды, эсесовские ботинки и сапоги.

Ночной шопинг. Торгуют – чем только не торгуют – от старых газет до новеньких искусственных фаллосов разных размеров и конфигураций. Порнобизнес вооружается передовой технологией.

В витрине выставлен прибор. Называется «Оргазмотрон». Рекламное заверение: «Оргазм гарантируем».

Молодая парочка у витрины.

Он: -Бери самый большой.

Она: -Мне нравится маленький.

Магазин спортивной обуви. И снова парочка у витрины, но – русская речь. Мальчик и девочка, будто только что с Арбата. И подобно арбатским толкуют о шмотках и шусах. Этого добра им так не хватало на родине, а здесь – завались. Сравнивают свои обновы с витринными. Прилично одеты, выглядят хорошо, нежно воркуют.

С трудом удержался, чтобы не вступить с ними в разговор.

Толпа, шумновеселая. В центре – негр-фокусник в черном фраке и белых кедах. Напористо, не давая зрителям передышки, ведет конференс, выхватывает из толпы желающих участвовать в чудедействе, мягко вышучивает их.

-Парень, ты снес два яйца!

Толпа хохочет и легко расстается с долларами.

Откровенный урок бизнеса. Тема урока: «Дело надо делать весело, без зауми и занудства, в роскошном и атакующем стиле!» Иными словами – талантливо. Неподалеку – еще один фокусник, унылый, понурый, опущенный. И зрителей – один - два.

Очень сюжетен этот квартал богемы и распутства, Гринвич вилледж. Очень нагляден в историях человеческих взлетов и падений, достояний и потерь.

В подворотне трио джазменов. Устраиваются домовито, основательно, будто не на один вечер – на всю жизнь. Тянут проводку микрофонов, расставляют технику. Здесь, в Гринвич вилледж легко взлететь на гребень успеха, но легко и слететь с него.

Вот молодая женщина с гитарой, грудной, с хрипотцой, голос, мягкий, теплый, обволакивающий. Поет в микрофон, прикрепленный к лацкану черного костюма. Траур по самой себе. Рядом, как свидетельство иной, лучшей, отлетевшей жизни – пластинка в ярком конверте. Была, слыла, пела, конкурировала, не выдержала, сошла с круга. Вот и вся история.

-Tell me, I love you...

В раскрытом гитарном футляре поблескивают несколько центовиков. Эффектная гадалка, нищие, травести, педерасты, длинные очереди у театриков, салунов, кабаков.

Заведение «Беннис пицца». Итальянки и итальянчики празднуют праздник завсегдайтства. Как у нас в какой-нибудь хинкальной. А мы с Роландом съедаем по куску пиццы с семипалатинской колбасой и уходим в эту чужую развеселую ночь.

Ищем Сохо. Спрашиваем у встречной семейки. Худощавый седой мужчина в летней куртке, две пожилые дамы объясняют. Потом вопрос:

-Из какой страны?

-Мы русские.

Выстрел – от бедра, протянутой для рукопожатия ладонью. Добродушные улыбки.

-Очень приятно. Завтра идем смотреть вашу коллекцию импрессионистов. Будто и нет «дела Данилоффа».

Но оно есть, это треклятое дело, распутывая которое, Э.А. расчищает завалы на пути к встрече в верхах. В послании Горбачева Рейгану содержится предложение провести срочную встречу в Рейкьявике. Внутренняя ситуация, близость выборов в сенат вынуждают президента принять предложение. Но ястребы заклюют, если прежде не вызволишь Данилоффа. И Жора с Эдиком изо всех сил улаживают это дело. На этой почве они даже сходятся, начинают нравиться друг другу.

Схема сделки: Э.А.: - Предлагаем на выбор два варианта. Первый – мы отпускаем Данилоффа без суда, вы – Захарова, тоже без суда. Второй вариант – отпускаем, но после суда.

Шульц: - Оба варианта неприемлемы. Это обмен, против чего возражает сам Данилофф, не говоря уже о президенте, конгрессе и американском народе.

Э.А.: -Давайте поищем взаимоприемлемый вариант. Например, чтобы это не было похоже на обмен, развести во времени возвращение Данилоффа и Захарова?

Шульц: -Если бы вы рассмотрели возможность освобождения некоторых видных советских диссидентов... Вот здесь у меня список.

Э.А. (просмотрев список): - Одного, например, Юрия Орлова, можно было бы... Берусь уладить под свою ответственность. Что касается остальных, то обещаю лично разобраться по возвращении...

Шульц: -А нельзя ли отпустить Орлова вместе с Данилоффом?

Э.А.: -Исключается. Это может произойти не раньше чем через неделю после того, как мы решим с ним и Захаровым. Но при всех обстоятельствах – до встречи в Рейкьявике. Во всяком случае, до встречи там отложим и вопрос о выезде наших дипломатов...

Разумеется, все это очень приблизительно, схематично, огрублено. Они побеседовали с глазу на глаз более двадцати часов и, естественно, о многом сказали друг другу. Например, о том, что решение о выдворении 25 было принято без участия Шульца. Как и о том, что от подготовки выступления Рейгана он был отстранен. Бесспорно то, что они понравились друг другу и были друг с другом откровенны, что если бы не они – Данилофф и Захаров не вышли бы из заключения, а встреча в Рейкьявике – не состоялась.

Весь этот интригующий сюжет переговоров Э.А. с Шульцем проходит на фоне дружелюбных и активных контактов с прессой, с одной стороны, а с другой – под череду довольно оскорбительных, на мой взгляд, публикаций о Э.А.: бывший «коп», исполнитель воли Горбачева, политику определяет не он, а А.Ф. Добрынин и т.п.

В полдень – собрание актива советской колонии, а в 8.30. вечера приехал Шульц.

Последние переговоры.

Как всегда, дисциплинированный сход репортеров, установка микрофонов и камер, разговоры с секьюрити. Из синагоги напротив еврейская свадьба. Многие, заметив скопление журналистов, остаются.

Я и Роланд поем простенькие грузинские песни, это здорово помогает от нервов.

Переговоры длятся три с половиной часа. Шульц в хорошей форме. Приехал к нам поиграть в теннис (с Лендлом-?). Э.А. и Шульц выходят из здания представительства и прощаются друг с другом. Заявлений для прессы нет. Пресса не возмущается. Жора уезжает под аплодисменты еврейства. Вслед Шеварднадзе летят возгласы по-русски: «Спокойной ночи, господин Шеварднадзе!» Он приглашает нас к себе в кабинет и рассказывает, на чем они порешили.

28 сентября

Данилофф вылетел из Москвы во Франкфурт-на-Майне. Многократно повторяемые на экранах кадры: вот он выходит из московского дома, садится в машину, едет в Шереметьево, там – досмотр, предъявление документов, встреча во Франкфурте...

Рейган, выступая в Канзас-сити, объявляет об освобождении Данилоффа. Взрыв ликования.

-В итоге вся эта история вывела советско-американские отношения к улучшению.

В Госдепе говорят:

-Это лучший пример дипломатии после второй мировой войны.

В аэропорту Франкфурта-на-Майне Данилофф выразил благодарность Рейгану и Шульцу за свое освобождение. Он, как минимум, не назвал еще одного человека, которому должен быть благодарен до конца дней своих – Эдуарда Шеварднадзе.

«Лучший пример дипломатии» помечен его именованным знаком. Несомненно, вся эта история, все эти переговоры с Рейганом и Шульцем, речь в ООН, встречи с коллегами, контакты с прессой – вершина его карьеры.

30 сентября

Весь вчерашний день готовились к пресс-конференции, добивали заявление, шлифовали детали, показывали Э.А., ждали, когда отправится почивать, дождались и пошли к А. Белоногову отмечать рождение внучки.

А тем временем А.А. Бессмертных с Розали Риджуэй обговаривали условия освобождения Геннадия Захарова. Ястребы жаждут крови, требуют его явки в суд но уже все обговорено, и под этот уговор Данилофф отпущен на свободу, а Захарова здешние крючкотворы держат на крючке. Ночные бдения Бессмертных с Риджуэй вызывают шутки, на которые А.А. отвечает так:

-Только по решению Политбюро...

Дело, однако, нешуточное. Из суда, куда, по предварительной договоренности, должен сегодня утром явиться Захаров, и откуда должен уехать в аэропорт – никаких вестей. А без сообщения о его освобождении мы не можем начать пресс-конференцию, на которой решено заявить о будущей встрече в Рейкьявике и о состоявшейся сделке.

К пресс-конференции все готово, однако ее начало откладывается. Зал переполнен. Э.А. меряет шагами соседствующую с залом комнату. Наконец, в 9.55 поступает сообщение: Захаров едет в аэропорт.

В 10.15 начинаем пресс-конференцию. Она проходит прекрасно, сопровождается шутками, смехом, улыбками. Си-эн-эн мгновенно выносит в эфир черновую видеозапись пресс-конференции.

На нью-йоркской бирже весть о Рейкьявике вызывает резкое повышение курса акций.

Покидаем Нью-Йорк триумфаторами. Последняя пресс-конференция. Э.А. говорит журналистам:

-Мы с господином Шульцем были честны перед своей совестью, своими народами и друг перед другом.

Летим в Канаду. Арктический пейзаж. А.А. Бессмертных рассказывает о ночной одиссее с Захаровым и шутит навстречу новой земле: «Да здравствует Канада – хлебная житница СССР!», «Хлеборобы Альбертщины сердечно приветствуют посланцев страны Советов».

Оттава. Клены выкрасили город колдовским каким-то цветом...

Когда под ногами шуршит национальный символ – становится не по себе: топчешь святая святых. Единственное утешение ему и мне: и без того настолько вознесен, что как-нибудь стерпит... Есть многократная компенсация в виде изображения на государственном флаге Канады. Красный кленовый лист – город полыхает им везде, всегда и отовсюду.

Как рассказать об этом рдеющем, рыжеющем, золотящемся на нежарком осеннем солнце городке, славном, одно- и двухэтажном, открытом для озер и островов и высокого спокойного неба.

1 октября

Фотография маленькой девочки, дочери министра иностранных дел Канады, доверчиво обвивающей шею советского коллеги своего папы, обошла все первые страницы канадских газет.

Невинное детское объятие, бескорыстное, чистое – хороший эпитаф к визиту в страну, где из-за каждого угла блещет ненавистью «жовтоблакитный» взгляд.

Первый день в Оттаве начинается с церемонии возложения венков к национальному военному мемориалу Канады.

Возраст истории этой страны – 120 лет. Воевала она, в отличие от нашей, куда как меньше, но памятники своим героям ставит лучше наших. Во всяком случае, они намного величественнее и, что не менее важно – осмысленнее. А уж о церемониалах, как-то, в отличие от наших, избавленных от *mania grandiosa*, очень трогательных, высекающих слезу – уж и говорить не приходится.

Трубач в общеармейской форме и волынщик в шотландской юбочке поочередно выводят высокую мелодию горлового, стиснутого спазмом, рыдания. Такого высокого, что голова невольно запрокидывается в ультрамарин небес, отороченный бахромой тяжелого золота.

А в почетном карауле – ладные, хорошего ваяния, женщины в темно-синих кепи и такого же цвета мундирах, застыли, низко склонив головы и спустив карабины – дулами к ноге.

За барьерами ограждения – маленькие пестрые группки молодых и немолодых людей с флагами Польши, «независимой Украины», прибалтийских лимитрофов. Эти в минувших мировых войнах потеряли во много раз больше, чем приютившая их страна.

Загородная резиденция министра внешних сношений Канады расположена на озере Мич в окрестностях Оттавы. Окруженное невысокими холмами, на которых свирепствует пожар осени, озеро отражает в своем бледносинем с проблесками лисьего огня зеркале красивый дом с верандой, куда мы и входим, чтобы провести здесь переговоры.

Э.А.: -Пригласили нас в такое место, где очень трудно разговаривать о неприятных вещах – ядерном и химическом оружии.

Кларк: -Хорошо бы найти такое место на земле, где можно было бы беседовать только о приятных вещах.

Посочувствовал самому себе, что визит Э.Ш. в Канаду сокращается («Мы все понимаем – Рейкьявик»), но «мы ставим условия, чтобы вы к нам еще раз приехали; посетили бы Скалистые горы – это моя родина -, пшеничные поля, городки на нашей южной границе...»

Начинает Кларк с характеристики своей страны:

-Мы – новая страна, молодое общество. Тридцать процентов валового национального продукта производят небольшие предприятия. Наше понимание личной свободы человека сходно с пониманием этой категории нашими южными соседями, хотя и без присущего им евангелизма.

Канада играла и играет активную роль в международных делах. Из 12 миллионов населения восемь – отнюдь не англосаксы и не французы. Четырнадцать процентов жителей – это выходцы из Восточной Европы, естественно, проявляющие сильный интерес к тому, что происходит на их прародине. Традиционно повышенный интерес проявляется к вопросу о правах человека.

Мы хотим, чтобы нас рассматривали, как нечто особое и специфическое, как страну, у которой собственная 120-летняя история.

Мы – страна сильной экономики, развитой на основе богатых природных ресурсов и оригинальной передовой технологии. Велика наша зависимость от экспорта. Пожалуй, только ФРГ больше нас зависит от внешнеторговых рынков. Торгово-экономическим отношениям с вашей страной мы хотели бы придать более конкретный характер: торговля между нами весьма несбалансированна.

У нас есть общие области интересов: освоение северных территорий, сельское хозяйство, наука и университеты. Мы могли бы более тесно сотрудничать в ООН, в борьбе с терроризмом, в решении проблем безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона.

Не являясь сверхдержавой, Канада отчетливо осознает, что для прогресса в международных делах необходим климат согласия между СССР и США. Будучи прагматиками, желаем, чтобы вам удалось достигнуть практически осуществимых договоренностей с США.

После Советского Союза Канада является самой крупной – по территории – страной мира. Вот почему мне понадобилось двадцать минут, чтобы все это изложить.

Переводит эти речи некий господин Кирилофф – весьма русской и весьма академической наружности человек, этакий гибрид чеховского дяди Вани и чеховского же профессора Серебрякова, но речь у него отнюдь не чеховская, он перевирает, путает и иногда подпускает букву ять, тем самым опровергая заявление рыжего господина Кларка о повышенном интересе канадских гей-славян к своим прародителям.

Э.А. начинает с традиционных заявлений и заверений, потом пробрасывает «мостик» к Кларку:

-Пока мы с вами совсем не постарели – надо чаще встречаться.

Говорит комплименты собеседнику и его стране, очерчивает круг возможных вопросов беседы: проблема разоружения, ядерное и химическое оружие, проблема испытаний, мирное освоение космоса, договор по ПРО.

-Таковы фундаментальные проблемы современности. Как они возникли – здесь не место говорить. Но учитывая ваше активное участие в образовании НАТО... Кстати, тогда еще не было Организации Варшавского Договора. Мы с вами могли бы способствовать расформированию военных союзов...

Кларк: -Это был бы большой шок для некоторых наших друзей.

Э.А.: -А. может, все-таки рискнем? Тогда я с чистой совестью вернулся бы на родину, выполнив пожелания нашего руководства.

Речь заходит о сессии Генеральной Ассамблеи, о советско-американских отношениях, СОИ, предстоящей встрече в Рейкьявике.

Эдик рекламирует идею всеобъемлющей системы международной безопасности, высказывает надежду на содействие Канады.

Главное – добиться прогресса в вопросе сокращения ядерных вооружений, прекратить ядерные испытания, сохранить договор по ПРО, не допустить размывания договора ОСВ-2.

Мы предлагаем не выходить из договора по ПРО в течение 15 лет. Американцы говорят о семи с половиной годах.

Кларк: -Вас беспокоит краткость этого срока?

Э.А.: -Нас беспокоят последствия. Американцы рассчитали так: 5 лет ведут испытания противоспутниковых систем, 2,5 – переговоры, потом выходят из договора. Им эти сроки нужны для создания и испытания, а потом – и для развертывания новых типов противоспутниковой обороны, а нам – для укрепления Договора по ПРО. Нельзя всерьез говорить о демилитаризации космоса, не сохраняя этот договор. Все остальные ограничители американцы убрали.

Советско-американским отношениям необходимы импульсы. Рейкьявик - промежуточная встреча на пути к встрече в верхах – должен показать, способен ли президент пойти на шаги, согласованные в Женеве.

Кларк поет хвалу будущей встрече и своему американскому другу.

-Американцы заинтересованы в прогрессе. Но предстоит и вам уяснить, как минимум, две проблемы. Это – проблема контроля и отношение в США к Советскому Союзу. Это разные проблемы, но они пересекаются. Часть американского общества, лишенная доверия к СССР, будет работать против прогресса. Но есть и другие силы, способные привести президента к более позитивным шагам.

Мы – соседи и СССР, и США, но с ними чаще встречаемся и лучше их понимаем. И верим, что у президента есть воля продвинуть лучшие свои пожелания.

Воздействие будущей встречи на общественность огромно. Общественность, в свою очередь, также воздействует на ее участников, я имею в виду Рейгана. Так что возможны важные соглашения.

Перечисляет их.

Э.А.: -Есть неплохие возможности и по стратегическим наступательным вооружениям. Но главным считаю соглашение о запрещении ядерных взрывов.

Характер течений в американском обществе весьма противоречив, отсюда и противоречивый характер политики нынешней администрации. Американский народ не хочет ядерной войны. Однако в США есть силы, жаждущие военного превосходства, которое внутри общества дает им кое-какие преимущества. Они-то и торпедируют советско-американские отношения.

Вот вам пример. На 19 сентября назначена моя встреча с Шульцем. А 18 принимается решение о выдворении 25 наших дипломатов. Цель – сорвать нашу встречу, а затем – и встречу в верхах. Но мы не поддались эмоциям и, к счастью, в американской администрации нашлись здравомыслящие люди.

Кларк: -Случайно или намеренно накануне вашего визита делают такое? Подобные силы есть и в СССР, и в США...

Э.А.: -В СССР таких сил нет.

Кларк: -Вы должны быть особенно предусмотрительны в отношении непредвиденных последствий некоторых событий. Наши конгрессмены оказались в Штатах, когда пик «дела Данилоффа» достиг самой высокой точки. Они были поражены накалом кампании.

Права человека и Центральная Америка – две зоны особой чувствительности США. Они особенно щепетильны в этих зонах. И у нас в вами здесь есть серьезные расхождения. Любое дело, отбрасывающее тень, способно отбросить прогресс.

Э.А.: Что вы имеете в виду, говоря о Центральной Америке?

Кларк: -Никарагуа. Проблема усугубилась из-за возникновения там противостояния Восток-Запад.

Э.А.: Я хотел бы разобраться в этом психологическом феномене. Присутствие 40 тысяч американцев в Южной Корее – это нормально, а вот присутствие нескольких сотен кубинцев в Никарагуа – это кошмар для Рейгана? А ведь и на Кубе, и в Никарагуа – законные правительства, которые вольны принимать решения.

Итак, коммунистический режим на Кубе – это угроза США? В Никарагуа, где нет ни одного советского солдата, ни одной нашей базы – тоже угроза США?

А рядом с нами – Турция: 1,5 тысячи километров границы, 55 военных баз (я работал в этом регионе и знаю), тысячи американских солдат, сотни самолетов, а у нас с Турцией – прекрасные отношения. Недавно приезжал Озал. И мы не говорили ему, что Турция угрожает Советскому Союзу.

Посмотрите, как грубо Рейган искажает Ленина, который первый выступил против экспорта революции.

Вот вы наши соседи. Ощущаете коммунистическое противостояние?

Кларк: -Хуже. Вы нам посылаете кислотные дожди.

Э.А.: -Или возьмем дело Захарова-Данилоффа. Итак, американца трогать нельзя. А русского можно?

Мы не желаем строить отношения с вами за счет ваших союзников. Но факт остается фактом: американскую политику формирует врожденный шовинизм. Это очень опасно. За полтора дня проглотили Гренаду, и все смолчали...

Кларк: - Дело не в неверном истолковании Ленина. Мы говорим о разных вещах. Речь идет о том, что Куба и Никарагуа исторически представляют опасность, и вам следует с особой чувствительностью относиться к такому их восприятию США. Иначе не будет доверия.

Перед глазами – окно во всю стену. Какая осень за окном! Чудо, напоминающее Кварели, верховья реки Дуруджи. Посольство. Работа до полуночи. Фантастический отель «Вестин», его невообразимая роскошь, и странный провинциальный, с элементами столичного шика, город в ночном окне.

2 октября

Встань пораньше! Встань пораньше и живи! Вызов на заре – в резиденцию Ридо Гейт. Редкая возможность побыть наедине с собой, взглянуть в небеса и воды канадской осени, без посредников пообщаться с кусочком настоящей жизни. Постоять у плотины с водосбросом неведомой мне канадской реки, почитать надпись на постаменте памятника какому-то Стюарту, просто пройти по этому тихому кварталу, взглядываясь в прекрасные отрешенные лица ранних раннеров, - среди них немало и женщин, пошуршать палой листвой.

Все это – звучная полнокровная прелюдия к спектаклю, в котором главное действующее лицо и главный герой – Малруни, премьер-министр Канады.

Спектакль разыгрывается в здании канадского парламента. Нас встречают какие-то торжественные дяди в красно-черных бархатных одеяниях. Береты, брегеты, багеты, портреты, лосины, ботфорты, лендлорды – фон для кинокрасавца, киногероя и к тому же – златоуста Малруни.

Переговоры ведем за круглым столом, который премьер раскручивает как карусель в одном лишь – американско-рейгановском направлении. Но начинает он с Горбачева:

- После встречи с ним я сообщил и канадцам, и американцам, что мы имеем дело с умным и сильным политиком. С тех пор в моем мнении ничего не изменилось.

Несколько слов о той сложной демократии, которая расположена в нескольких десятках миль отсюда. За всю нашу историю оттуда в сторону Канады не было сделано ни одного выстрела, не шагнул ни один солдат. У нас общая, протяженностью в 5 тысяч километров граница, на которой нет ни одного пограничника. Все это может означать, что Канада либо колония США, либо по-настоящему суверенное государство.

Лично я предпочитаю вторую версию, хотя в нашей прессе пишут, что Малруни – лакей Рейгана.

Э.А.: Это где такое пишут?

Малруни: - У нас.

Э.А.: - А у нас так не пишут.

Малруни: - Это потому, что ваша пресса лучше информирована... И в доказательство обратного я мог бы привести три примера. Первый: мы выступаем против СОИ, и я молча изложил эту точку зрения в телефонном разговоре с Рейганом. Второй: мы против эмбарго на торгово-экономические связи с Никарагуа. Наконец, третий: мы выступаем за санкции против ЮАР – я говорил об этом в Нассау и Париже.

Как видите, мы ведем политику, которая довольно сильно отличается от политики США.

Если наше общество представляет какую-либо ценность, то вот вам ее фон.

Но в ваших отношениях с США мы могли бы быть полезными советчиками. Последние 5-6 лет они постоянно меняются. Вьетнам, Уотергейт, Иран породили у американцев комплекс неполноценности. И вот является человек, который говорит американскому народу: «Я вас сделаю первоклассной нацией».

Этот человек – Рейган. Он воскресил не только гордость Америки, но и ее здравый смысл. Американское общественное мнение – за соглашение с Советским Союзом. Заключайте сделку с Рейганом – вас не отвергнут и не обманут. Рейган действительно хочет мира и поэтому он будет сотрудничать с вами. Потому что он хочет остаться в памяти американцев как самый действенный президент-миролюбец этого столетия. Такой вот спич.

-Теперь о правах человека, о воссоединении семей. Для Канады это очень острый вопрос. Не менее острый – для Советского Союза. Советский Союз мог бы оказать самую большую услугу, изменив отношение к этой проблеме.

Если завтра пять тысяч канадцев захотят покинуть свою страну – я приобрету им авиабилеты.

Могу понять все, кроме одного: почему вы хотите иметь у себя диссидентов? Отпустите их. Это не будет стоить вам и пенса, а позволит получить многомиллионную прибыль доброй воли.

Э.А.: отвечает стандартными фразами, говорит о разнице в температурах в США и Канаде, излагает – в связи с вручением послания Малруни – историю оставленного в госдепе послания М.С.Г. Рейгану.

-Я сказал президенту: вы можете поверить мне на слово?

-Могу, - ответил он.

-Это уже хороший признак. Так вот, собираясь к вам, я неоднократно проверял, на месте ли послание...

Дальше он начал методически долбить по красноречию Малруни.

-Я очень внимательно слушал все, что вы говорили о США и президенте. Вы ближе к нам, и вам виднее. И роль общественного мнения во влиянии на политику вы подметили верно. Однако я мог бы привести вам множество примеров того, как оно игнорируется, отбрасывается. Ядерные взрывы, скажем. И конгресс, и общественность – против, а испытания продолжают. Другой пример – ОСВ-2. Его тоже отменили против воли собственных законодателей и народа. Наконец, поставленный под договор по ПРО...

Кларк: -В том, что касается СОЛТ, мы еще не сдались...

Малруни: -И в Галифаксе я прямо сказал об этом Шульцу.

Э.А.: -Мы это знаем. Но давайте задумаемся, почему появились разные толкования договора по ПРО. Просто новые вооружения американцев не укладываются в старые договорные рамки.

Хорошо, что Рейган согласился на встречу в Рейкьявике. Нам есть что предложить ему – у нас есть и компромиссные, и глобальные варианты, самый широкий их набор.

Очень важен фактор времени. Время может работать и за, и против нас. С одной стороны, наметились обнадеживающие тенденции, с другой – образовался полный застой. Рейкьявик должен дать сильный импульс.

Малруни благосклонно комментирует эти слова, вновь залезает на адвокатскую трибуну:

-Слушая речь Рейгана в ООН, я подумал: что-то сдвинулось...

Видите ли, так долго живя рядом с США, мы стали экспертами по их противоречиям...

Рейган начинал при огромном дефиците государственного бюджета, и спустя пять лет увеличил больше любого другого президента. Для канадца это противоречие, для американца – жизнь. Это очень противоречивое общество. Белый дом, конгресс, пресса постоянно ведут между собой борьбу. Ничего не остается неизменным, в том виде, в каком родилось.

Я говорю об этом с уважением к американскому обществу, может быть – даже с долей любви к нему, но это факт: понять США очень трудно.

Э.А.: -В этом обществе много привлекательного, но это – трудное общество...

Однако, не слишком ли мы увлеклись? Боюсь, министры будут протестовать: слишком долго заставляем их ждать.

Малруни: -Ничего, это пойдет им на пользу.

Когда я имею дело с американцами – всегда ощущаю себя в роли психоаналитика. Рейган искренне убежден, что с 1974 по 1981 год происходил спад американской военной мощи. Он считает: в год его вступления в президентство Америка была как никогда слабой, национальная психология – в упадке. И он приступил к реконструкции.

Рейган верит, действительно верит, что вы опередили США, достигли такого превосходства, что можете позволить себе роскошь долгое время не проводить ядерные испытания.

Я хочу сейчас лишь одного: чтобы вы постарались понять Рейгана. За 175 лет существования общей границы ни один американец не сделал попытки вторгнуться в наши пределы. Мы не Никарагуа, мы – хорошая недвижимость, но на нас не посягают. Какие бы решения не принимали американцы, они – не агрессивный народ.

Пресса и кабинет могут обвинить меня в том, что я слишком пылкий друг президента, но это не так. Просто я хочу, чтобы вы основывали свою политику на понимании этой страны и ее руководителей. А все наносное уйдет, как отошла в прошлое «империя зла».

Вы прекрасно и умно справились с «делом Данилоффа». Поздравляю.

В заключение прошу вас: уравновесьте нашу торговлю. Уверяю вас, мне не заплатили за то, чтобы я это сказал.

Позер. Трепач, хотя и искусный. Не в меру преданный своему большому соседу адвокат. Но производит впечатление.

Выходим из парламента – встречает плотная людская стена. Транспаранты, портреты узников совести и отказников, черные балахоны, желтые наклейки с именами опять же желающих выехать из СССР. Демонстрация. И параллельно – боевые порядки теле- и фоторепортеров. Молодая толстая, слегка бородатая особа декламирует список разделенных семей.

Э.А. шагнул к ней, сдвинув перемещение репортерских народов.

-Давайте мне ваш список, я разберусь в нем...

-Но мы хотим дочитать его...

-Но зачем же, когда можно все и без этого уладить?

Столпотворение, стрекот камер.

Вмешивается Кларк, забирает список.

Какая-то молодая женщина протискивается к Э.А. и просит помочь ее родителям приехать к ней. Он обещает помочь.

На соседней лужайке – еще одна демонстрация, на сей раз – антиамериканская. А эту Э.А. сорвал. Тем не менее вдогонку несутся дружелюбные возгласы: «Пусть в Канаде вам сопутствует успех».

Час спустя, на переговорах в парламенте – Кларк:

-Считаю очень полезным, что вы встретились с этими людьми у восточного выхода из палаты общин. Это найдет в Канаде весьма положительный отклик. Я не знаю, кто конкретно поименован в этом списке – сейчас снимают копии для вас – но мы тоже изучим его.

Э.А.: -Если бы я знал, что у них есть обращение к советскому правительству – принял бы их в нашем посольстве.

Но это было не обращение – политическая демонстрация, этакий живой эпитаф к той части переговоров, которая посвящалась правам человека.

А начало не предвещало такого поворота.

Кларк: -Чем больше прогресса мы добиваемся, тем дальше нас рассаживают...

Он имел в виду очень большой переговорный круглый стол, у которого оказались острые углы.

Кларк: -Начнем с проблемы, которую обрисует министр внешней торговли Канады, госпожа Корни...

Госпожа оказалась полной дамой, седая, монументальная, с птичьей головой и в синем хитоне, накинутом поверх белой рубашки.

Она обрисовала не столько проблему советско-канадских торговых отношений, сколько самое себя, чем заставила меня надолго задуматься о роли руководящей женщины в обществе и государстве.

...Затем, вспомнив демонстрацию, я перечислил в уме страны, где против нас митинговали – в Штатах, Японии, Канаде, Англии. Где не было демонстраций? В Северной Корее, Монголии, Польше – Польша митинговала в Канаде...

После госпожи Корни слово снова взял Кларк и начал сыпать именами людей, которым хотелось бы жить в Канаде.

Э.А.: -Среди них есть военные преступники.

Кларк: -Люди, в отношении которых когда-то было выдвинуто обвинение в преступной деятельности, оказались невиновными, обвинения – необоснованными.

Э.А. подставился: -Пока военные преступники живы, они должны подвергаться наказаниям...

Но Кларк не воспользовался своими козырями.

У них элементарно не укладывается в сознании, как это можно где-либо удерживать человека помимо его воли.

Засыпаю за столом переговоров – так устал от бессонницы. О, если бы этот стол обернулся постелью!

Э.А. передает Кларку приглашение посетить СССР с визитом.

Кларк: -Принимаю приглашение. И если вы повезете меня в Грузию, то я приглашу вас в провинцию Альберта – на мою родину.

Э.А.: -Ранее я передал приглашение вашей супруге, а сегодня – и вашей дочери.

Кларк: -Теперь мне ничего другого не остается, как тоже поехать в Советский Союз.

Красивый ланч в красивом хаусе. Современном и импозантном, с видом на полудевственную природу: озера, острова, пространства небес, лесов и вод. Имени какого-то канадского мининдел. А в зале – стусток канадского бизнеса, его сливки и цвет. За моим круглым столом шестеро господ, чьи имена мне ни о чем не говорят, а седьмое... Батя, фабрикант обуви из Словакии, роман Марии Пуймановой, сильнейшее литературное впечатление отрочества.

-Я читал о вас и вашем деле, господин Батя, в ранней юности. Роман Пуймановой...

-Представляю, как лестно о нас в нем отзывались!

-Да, не очень.

-Ну, с тех пор, слава Богу, мы перебрались в Канаду, и наше дело процветает.

Он назвал сумасшедшие цифры, хвастал городами, возникшими вокруг его factories: Баттава – в Канаде, Баттавилль – во Франции, Батталанг – в Индии и, наконец, дохвастался до заявки на обувь М.С. Горбачева:

-Моя жена в Монреале создала музей обуви. Там есть ботинки, в которых мистер Рейган вел переговоры в Женеве. Ничего не пожалею, если вы мне добудете туфли, в которых господин Горбачев съездит в Рейкьявик.

-Согласен. Но с одним условием: рядом в музее будет стоять пара моих.

-Идет!

Ударить по рукам помешала миссис (мисс?) Карни:

-Сейчас один молодой бизнесмен обратится к вам, господин Шеварднадзе, на вашем родном языке. И действительно, встал розовощекий херувим канадского бизнеса и на сносном грузинском языке приветствовал Э.А.

-А с вашей фирмой я буду иметь самые большие дела – откликнулся по-русски Шеварднадзе.

Это был Джеффри. Мне рассказывал о нем Парчо (давний друг Т.С.), наши пути едва не пересеклись – в Телави, Омало, Бакуриани. Какая-то фантастическая история о юном канадце, в чьей родословной по материнской линии струился, журчал ручеек грузинской крови. Он и привел его в Грузию, заставил облазить все ее щели и дыры, выучить ее язык и – жениться на ее дочери.

Я подошел к нему и спросил по-грузински:

-Ты – Джеффри?

Моя и его дружба с Парчо давала мне право на это грубое «ты».

Он просиял.

-Да! Откуда вы меня знаете?

-У нас много общих друзей: Парчо, Вахо, Леван, Зураб... Они мне о тебе рассказывали...

Мы могли не раз встретиться...

Поговорили от души, с наслаждением выговаривая грузинские слова. Договорились созвониться в Москве, куда он, президент маленькой фирмы по сбыту компьютеров, собирался через неделю.

Разошлись, разъехались, обрадовались чуду, которое возможно только на Земле.

Какой-то очень насыщенный получился день. У посольства – очередная демонстрация, все те же бабы в черных фартуках, с желтыми наклейками, портреты Нудель, Бегуна, Орлова, других «рефьюзников»...

Подготовка к пресс-конференции в посольстве, овчарка, натренированная на поиск взрывчатки, рентгенирование журналистов, вопросы – и все вокруг Данилоффа и соглашения по зерну. А Рейкьявика словно бы и нет.

Вечер, 17.30. Отъезд на аэродром Аилэндз. Отлет из Оттавы в Мехико.

2 октября. Ночь.

Чем запомнился этот ночной бросок из Северной Америки в Латинскую, из Канады – в Мексику?

Огромным – размерами, оригинальностью и интенсивностью вкуса – тортом, точнее – двумя, заброшенными в наш салон бортпроводницей Наташей. Соответствующим кондитерским пантрагрюэлионом – до отвала, до упаду. Бескрайней кромешной ночью со вспышками каких-то зарниц, то ли на самолетных крыльях, то ли в невидимых тучах. Страшной тряской над гипотетическими Бермудами и огненными отблесками на акульях плавниках неопознанных самолетов-спутников, необозримым, неохватным муравейником огней, взрезаемых тучами хребтов – Мехико.

В полночь садимся в аэропорту этого мегаполиса. «Бенито хуарес», президентский ангар, сеньор Бернардо Сепульведа с снбориной Сепульведой и товарищ Р. Сергеев, посол собственной персоной, в одной руке – букет цветов для Нанули, в другой – заявление для печати, так и не переданное в печать.

Зато подготовлена летучая пресс-конференция в аэропорту. Индианолицы репортеры и репортерки суют под нос Э.А. свои микрокассетники и вопросы о возможности галактических войн и проблематичности Кантадорского процесса.

Едем в посольство, сунутые в машину №8 офицером безопасности. Далеко отстаем от кортежа, что имеет свои преимущества – разглядываем путь следования. Нет, это не Рио-де-Жанейро, хотя точнее было бы сказать – не Лондон и не Вашингтон. Бедный, измученный, изъязвленный город, не скрывающий своей бедности. Грязный, заваленный отбросами, равнодушный к ним.

Особняк нашего посольства – напоминание президентского дворца из «Осени патриарха». Домик-потаскун, неухоженный, хотя и роскошный. Ленивые, неумелые работники, хотя и спесивые. Этакие дворяне советской дипломатии.

2 часа ночи. Дает знать о себе дальний перелет и высота. Давление – 200 на 100. Глотаю коринфар и адельфан.

Отель «Каминореаль» - «Королевская дорога». Патио, фонтаны с подсветкой, еще патио с плавательным бассейном, номер, столик, кактусовая водка текила, на подушке – конфетка с пожеланием доброй ночи и счастливых сновидений.

3 октября

Мы спешим, очень спешим: Э.А. возвращается в Москву раньше намеченного – из-за Рейкьявика, и поэтому программа ужимается, а ритм моей с С.П. Тарасенко работы – ускоряется.

Сегодня – ужин от имени Сепульведы, и нам надо написать речь Э.А. Рано утром он надиктовывает нам свои поправки и уезжает переговариваться с Сепульведой, а мы остаемся в посольстве.

За то время, что мы прилежно кропали речь, Э.А. успел встретиться с президентом де ла Мадридом, министрами Э. Эрнандесом Сервантесом и А. Дель Масо.

Очень импозантный и очень мексиканистый зал приемов МИД Мексики «Глателолко». Г-жа Сепульведа демонстрирует росписи Ороско. Официанты разносят выпивку и какие-то пирожки, которые надо обмакивать в подливу, похожую на ткемали. Очень вкусно.

Оказываюсь за столом в очень картинной компании. Слева – маленькая красивая женщина, от которой отдает принадлежностью к искусству, справа – какой-то гривастый сеньор, как он сам представился на корявом русском – бывший амбассадор Мексики в СССР. Был за столом еще один владелец русского языка, но он не поделился им. Маленький, с гладко прилизанными черными волосиками и раскосыми глазами. Я думал: японец. Оказывается, мексиканец, учился в университете Лумумбы, пострадал и теперь страдает от комплекса неполноценности.

Еще там была дама, вся увешанная нашим янтарем. Все подарки бывшего посла СССР, разумеется – не Коллонтай.

Обмен речами. Состязание в политическом красноречии и художественной эрудиции. Сепульведа был великолепен культурой исполнения и дипломатического слога, но проиграл из-за длиннот, наш был хорош лаконизмом, нервической рваностью стиля. В итоге – ничья.

Сбежал с какого-то суперэкзотического блюда. В утробе белой рыбы кишели черные грибы.

4 октября

Работаем над заявлением для пресс-конференции. Э.А. очень занимает пара сравнений: США – Никарагуа, СССР – Турция. Развивает свои идеи и уезжает: в сенат, на встречи и беседы с руководителями институционально-революционной партии, а мы остаемся работать в этом странном заведении.

Я кое-что знаю о Мексике. После всего, что читал и видел, после «Паломы» и «Мексиканской девушки», после фильма «Вива Вилья» и землетрясения очень трудно усидеть на стуле этаким прилежным учеником. Хочется сбежать с «урока».

Сбежать не удастся. Лишь в полдень выбираюсь в город – в парк Чапультепек, на возложение венка к монументу «Алтарь Родины».

И парк, и монумент заслуживают описания. Прекрасна, волнительная история памятника – пять юношей-кадетов, завернувшись в национальные знамена, бросаются в пропасть, не желая сдаваться «этим проклятым гринго».

Но лучше-ка я запишу сюда эпизод с некрасивой репортершей в пончо – как подошла она к собору «Известий» Силантьеву и застенчиво спросила, удобно ли будет задать вопрос сенатору министру об инциденте с советской подводной лодкой.

-Что за инцидент?

-Как, вы не знаете? Советская субмарина загорелась и затонула в районе Бермуд.

Этого не знал и член Политбюро. Мексиканское радио и TV всюду шпарило об этой сенсации, а мы были в неведении.

Однако вечером на пресс-конференции об этом был задан только один вопрос – погасили соответствующим пассажем в заявлении.

Это была прекрасная пресс-конференция. Прекрасная своей организацией, демократичностью и контактом с прессой («Наконец-то я слышу голос Пекина!»). Э.А. ответил на двадцать вопросов. Рекорд. Пресса поднимала большой палец!

А до пресс-конференции мы осмотрели знаменитый «Полифорум» Сикейроса, познакомились с его вдохновителем и владельцем престарелым доном Мануэлем Суаресом-и-Суаресом, другом Панчо Вильи. Он хотел подарить Э.А. какие-то неплохие картины, но тот мягко отвел дар, сказав, что это национальное достояние и похвалившись дружбой с многими известными художниками.

Потом был прекрасный музей антропологии и истории, директор - стопроцентный Карабас-Барабас, ареал его страсти – Теночтитлан, Ацтеки, культ Змеи, головной убор Туатемока, храма богов Воды и Войны, богиня Маиса, культ смерти, календарь ацтеков – эмблема олимпийских игр в Мехико.

Зал Майя. Девушка, записывающая в блокнот тексты майя.

Директор: -Похоже, что она что-то знает.

Э.А.: -Не будем ей мешать.

5 октября

Встали рано и пошли на загаженную со вчерашнего вечера авениду. Обошли пустынный квартал. Прочитали начертанные на мостовой распылителем лозунги: «Советы, долой из Афганистана», «Свободу Венгрии!» и т.п.

В 9 утра вылетели на Кубу. В полдень увидели мажорную гамму острова Свободы. В аэропорту Марти команданте Фидель колот гостей бородой и бодал своей армейской фуражкой.

Знакомые лица, знакомая духота. Воскресный день. Все – на океан, Э.А. с Казимировым и Бессмертных – на переговоры, а я с С.П. – в посольство, писать сообщение для печати.

Перед отъездом в аэропорт успел окунуться в резиденциальный бассейн.

Долгий, тяжкий, болезненный перелет на родину. Разорванные сны. Полуявь.

Перед Шенноном Бессмертных сказал:

-Сейчас посол Нестеренко будет говорить невпопад.

Действительно, он приветствовал Э.А. так:

-Чтобы встретить вас, я встал в четыре утра.

Менеджер аэропорта был куда любезнее:

-Вчера в «Айриш Таймс», господин министр, была прекрасная статья о вас...

-Посол, конечно, не читал?

На последнем перегоне Э.А. пришел в наш салон. Бессмертных похрапывал.

-Не будите. Он обдумывает во сне гениальные идеи.

-Нет, - сказал я. – Просто он сражен встречей с послом Нестеренко.

Эдик расхохотался:

-Вот человек! Вместо того, чтобы сказать: «у вас была такая трудная поездка, поздравляю со счастливым завершением!», он – «лучше бы вы не приезжали!»

Это была трудная поездка, после которой, дорогой Э.А., чеканят медали, воздвигают статуи и строят триумфальные арки.

Я возвращался домой смертельно уставшим, но счастливым.

7 октября

В Москве. Э.А. засаживает за подгонку материалов к визиту в Бухарест, а сам собирается лететь в Рейкьявик, где должна состояться эпохальная встреча Горбачева с Рейганом.

В выступление на Бухарестском заседании КМИД Варшавского договора срочно вносятся уточняющие акценты.

В Рейкьявик полетит Сергей. Это справедливо, он американист. А я – поеду в Румынию, готовить визит и встречу министров иностранных дел соцстран, на которую из Рейкьявика прилетит мой патрон.

Ну что ж, Румыния – это всегда занятно.

9 октября

В Бухарест – в компании замминистра В.П. Логинова и его команды.

На Балканах – золотая осень, она хорошо просматривается с высоты. В румынской столице встречаюсь с ней лицом к лицу.

Не был здесь с середины семидесятых. Изменения заметны без труда. Памятник советским воинам-освободителям перенесен с оси главной магистрали и задвинут куда-то вглубь. Улицы обезлюдели. Телевизор работает два часа в сутки, остальное время эфир занимает болгарское телевидение. Куда-то исчезли такси, кафе, рестораны, афиши с рекламой социалистического стриптиза. В витринах магазинов – скучные, явно недоброкачественные товары.

Что такое? Жесточайший режим экономии. Нация Траяна, даков и Коли Чаушеску затянула пояса. Выплачивает долги. Выплачивает успешно, на одном дыхании, перехватываемом стужей (зимой в квартирах не выше 10 градусов тепла) и недоеданием: было 14 миллиардов долгу, осталось семь. Гордая нация – румыны: сама платит по своим счетам, не унижаясь ни перед кем. Страдает народ. Замерзает страна. Но у меня не поднимется рука бросить в них камень. Эпоха Брежнева не была столь жестокой, как эра Сталина, но и она обездолила народы.

Mea culpa. Виновата страна, отвечают люди.

Эпоха Брежнева настигает меня в Бухаресте фигурой и ликом Е.М. Тяжельникова, посла СССР в Румынии. О, сколько у меня с ним связано всякого! И сколько недосказано!

Зав. Кафедрой Челябинского пединститута, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, заведующий агитпропом ЦК КПСС, взлетевший ввысь на XXVI съезде партии, где он потряс воздух и Леонида Ильича старой газеткой из Днепродзержинского музея, расписывавшей комсомольские и партийные добродетели молодого студенческого лидера Ленки Брежнева.

Газетку из музея перехватил журналист Аркаша Пальм, передал Леве Корнешову, тот – «Тяжмашу», тот спрятал в сейф до лучшего часа. Этот час наступил на партийном съезде, где он произнес пыльную речь во здравие Л.И., а под конец – за упокой – козырнул газеткой, шваркнул ею по трибуне, покрыв остальные карты.

Сорвал банк и аплодисменты, стал определять идеологическую политику великой страны. Всю свою серость ссыпал в мешок этого дела.

Ту речь для съезда писал ему я – вместе с его помощником Борей Мокроусовым. Боря Мокроусов стал главным редактором «Советского спорта». Его побили после ухода Тяжельникова. А меня били все время («Почему творческая молодежь не пишет стихов о проекте новой конституции СССР?»), пока я не спрятался под мышку Э.А.

Потом Тяжмаш приезжал к нам в Грузию. Увидев меня, прогундосил: «Слежу, слежу за тобой». Ездил с Э.А. на праздник в Омало. Тряслись в грузовике по разбитым дорогам, переезжали вспухшие реки, ели хинкали.

Теперь этот... из Челябинска встречает меня, как лучшего друга. Еще бы – особа, приближенная к личности **члена** Политбюро.

На завтра зван в резиденцию посла – на пельмени.

Одно в радость – золотая осенняя погода.

10 октября

Наши улетели в Рейкьявик, а мы сидим в Бухаресте, одноименной гостинице или готовим резиденцию, бывший особняк бывшего господина Киву Стайки. Резиденция Тяжмаша – ослепительная эклектика начала века, роскошью и богатством отделки затмевающая несуразности стиля. Какой-то румынский дипломат соорудил – в подарок своей любовнице. Теперь здесь распоряжается златоволосая супруга Евгения Т. – типичная посольская жена. «Галя! Подайте соль!» - властно, с металлом презрения – официантке.

Пельмени, однако, без эклектики, в чистейшем уральском стиле. Хотя не с водкой, а с чачей – из старых еще, видно, запасов.

Тяжмаш не так чтобы очень выказывал уважение к Указу от 17 мая 1985 года – кушал виноградную охотно. А ведь в бытность свою непослом – лютовал.

11 октября

В Рейкьявике началась встреча Горбачева и Рейгана. Особняк Хёфди затянут туманом. Информации никакой.

12 октября

Два телевизора. По одному – программа «Время», по другому – румынские «Новости». Очень интересные: всюду Коля, Коля, Коля и его ближайшие родственники – жена Елена, братец, сынок.

Но весь этот интерес выключается, когда включается Рейкьявик. Пресс-конференция Горбачева.

Выходят. Панихидное движение. Траурная процессия. Похоронные лица. Страдальческая гримаса на благородном портрете Эдварда. Что произошло в особняке Хёфди? Долго рассказывать. Да и не к чему. Вся информация об этом событии сохранилась – надо будет – использую.

Сейчас важнее передать ощущение от драматичности происходящего. Сознание того, что колесо истории могло быть смазано наилучшим образом и – быстрее покатиться в лучшую сторону. Разочарование, смешанное с гордостью – мы были благородны и действовали честно. Если верно все то, о чем говорит М.С. – это моральная, политическая победа.

Сегодня приезжают Э.А. и Сергей. Расскажут, как было все в действительности.

Едем в аэропорт. Огромный ИЛ-62 и всего шесть пассажиров – Э.А., Сергей, Дима, Мишугов(?), Рыбкин, реаниматолог Василий Семенович. Как можно быстрее информировать Чау и коллег, чтобы они проинформировали своих боссов.

Из личного павильона Николае – мрамор, драгоценные породы дерева, коллекционная мебель, хрустальные люстры – выходим в ночь, идем к посадочной полосе. Разворот самолетного прожектора слепит глаза. С трудом узнаю С.П.

-Ну, как вы там?

-Сыграли вничью.

-А если серьезно! Как было дело?

-Было все так, как рассказал М.С.

Потом он расскажет мне, как в день начала переговоров он был срочно вызван с ковчега «Георг Отс» в Хёфди, куда американцы заявили с необговоренным стенографом Мэтлоком, и надо было сажать его советского визави, вот благодаря чему Сергей оказался очевидцем.

Он очевидел, как Горбачев вывалил весь короб советских предложений и как Уорренович захапал их, но потом поплыл – физически и по части знания, и М.С. предложил переговариваться в присутствии «наших министров», как все шло к блестящему финишу и как вдруг все засбоило из-за нежелания Ронни расстаться со своей звездной мечтой.

Сергей рассказал о куче бездельников, составивших свитный фон их высокопревосходительств, и мне стало обидно от того, что наблюдал за производством истории со стороны.

Однако за работу. Надо готовить информацию для Чау.

13-16 октября

Встреча с Чаушеску. Закрытая встреча с коллегами – информация о Рейкьявике. Первое и второе заседания КМИД. Обед от имени премьер-министра Дэскелеску.

Пробежка по Каля Викторией. Бедная столица, знававшая лучшие времена. Ни одного мясного магазина. Очередь за купатами. Гордые даки в очередях. Много очередей. Мало продуктов. Зато изобилие Чаушеску в книжных магазинах.

Советско-румынские переговоры. Обеды, ужины, приемы. Румынская номенклатура – прилежная ученица советской.

Особняк Киву Стайки роскошен. Жратва отменная. Управляющий уродлив и словоохотлив до отвращения. **(пропуск)**

Пресс-конференция. Какой-то итальянец допытывается, как будет с рейкьявским «пакетом».

-Когда-то вы готовы были рассмотреть его элементы порознь, теперь отказываетесь развязывать?

В семь вечера – отлет в Москву. В самолете показываю Э.А. медаль Бухарестского дворца пионеров с надписью «лучшему пионеру эпохи Николае Чаушеску».

В ответ – очень резко:

-У каждой страны свои правила и обычаи, их надо уважать.

Чуть мягче:

-Не во всем мы правы перед ними. Пора это признать.

20 октября

В Москве – эпидемия «Покаяния». Абуладзе полуподпольно демонстрирует свое незаконное дитя. Элита ахает и охает.

Звонит Игорь Голембиовский:

-Напиши нам... ну, не рецензию, рецензия у нас есть – напиши о «Покаянии», как о событии и явлении нашей общественной жизни.

Это меня греет, и я сажусь за работу. Воспламеняюсь, разгораюсь, полыхаю. Лучший способ самосожжения.

О чем пишу? О том, что нельзя хоронить прошлое – тем легче ему возвращаться и лишать нас будущего. Что Аравидзе живы, они возрождаются во множестве ликов и фигур, и казнят собой общество. Что каждому гражданину необходимо отождествлять себя с правильной и правдивой родиной – тем легче ему жить, тем сладостнее жертвовать собой, идти на лишения и тяготы. Тем крепче и вернее его поддержка верхов, хранящих честность в разговоре с ним.

Выбежал далеко за границы фильма и с трудом, изнеможенный, вернулся к нему.

Отнес в «Известия» и только там понял, что получилось, настолько эта моя «поколенческая» исповедь задела едва ли не всех. Известинский главный И.Д. Лаптев раздал ее для обсуждения, и разгорелся сыр-бор.

Договорились дать в день премьеры в Доме кино.

В Тбилиси фильм уже идет.

2 ноября

От «Голубого Дуная», от «Большого вальса» мои представления о Вене окрашены в золотисто-лазоревые. А здесь серо и сыро – и дождь. Скрадывает туман очертания доброй старой Вены. Журналистская атака под развернутым знаменем генерального вопроса – о предстоящей встрече Э.А. с Шульцем.

Встреча после Рейкьявика обещает быть жгучей и дразнящей, пикантной и любопытной. В Вашингтоне и Нью-Йорке они хорошо поработали и успели понравиться друг другу. Во всяком случае, Э. говорил об этом с нескрываемой гордостью.

А теперь, когда Рейкьявик образовал такие разводья, когда стороны по-разному интерпретируют события и факты и ловят друг друга (мы – главным образом) на преднамеренных искажениях, когда в Вене взят курс на откровенную конфронтацию – как же встретятся эти два джентльмена?

Выезжаем на шоссе. На шоссе возникает видение сына. Табличка, дорожный указатель: «До Будапешта – 320 км».

Всего четыре часа, - говорит водитель, некто Гришаев. – Зачем же дело стало?

Соблазн велик.

-А затем дело стало – вторит рассудительный Тарасенко, - что поехать вы можете лишь после 5 ноября, когда выступит министр. До того некошерно. А 6-го – ехать домой.

Действительно.

В импозантном красномраморном посольстве с беломраморными маршами парадной лестницы и православной, а la Блаженный в миниатюре, церковью на задах посол Шикин предлагает:

-А давай-ка мы привезем его в Вену.

Тоже соблазн. Но – «не давай-ка». Слишком классический повод для анонимки.

Хорошие люди съехались в Вену: писатель Алесь Адамович, академик Аганбегян, посол Ломейко, эксперты. Но не вижу Толи Щаранского.

Доверительная координационно-ознакомительная встреча министров соц. стран. Разговор с Хнеупеком о поэзии. О Грузии и Гие Бадридзе.

Иоханенгассе. Отель «Интерконтиненталь». У входа – человек в треуголке с золотым позументом. Не Моцарт – швейцар. Роскошное чрево отеля. Циклопических размеров гобелен. Золотые врата Запада.

Статья Рестона в «Интернэшнл геральд трибюн» - о «Покаянии». Как же моя писанина сходится с ихней!

3 ноября

Раннее пробуждение в «Интерере». Намерение побегать по рассветной Вене улетучивается после взгляда в окно. Холодный рассвет, холодный желток солнца.

Прямо под окнами – багрянец Штадпарка. Ну, хотя бы пройтись меж деревьев, шелестящих обрывками штраусовых вальсов.

Идем с С.П. через озябливое кружение платанов, каштанов, березок, стоим на берегу миниатюрного пруда, наблюдаем натуральных уток.

Навстречу выбегает ранняя Вена: старик-раннер, мальчик с девочкой - школьники, молодая венка, упругая, в красных штанах. Скромная служивая, учащаяся, рабочая Вена. Семь тридцать утра. Взлетают стальные жалюзи магазинов – занавеси великого театра Торговли. Открываются банки – как там у них с шиллингами? – вот, к примеру, «Донау банк», то бишь «Дунайский» распахнулся вовсю, крепко битый и траченный жизнью мужик в дешевой болоньевой куртке выносит из задка «фольксвагена» щиты-подносы с венскими сдобами.

И опять, как всегда, опьянение чужой жизнью. Порочно хмельное желание стоять и ощупывать жадными глазами текущий мимо, обтекающий тебя чужой мир. И опять – всегдашние самодопросы, отчего это я так хищно вглядываюсь в лицо неведомого мира.

Где-то на рубеже этого крошечного парка осталось вместилище Большого вальса – ажурная веранда, окружающая деревянным белым кружевом площадку, где по-весеннему вспухали белоснежные, заверченные Йоганном Штраусом юбки вальсирующих венков и стрекозиные фалды их кавалеров закручивались вокруг поджарых ягодиц.

О, Карла Доннер, ваш дивный лик слился с образом аппетитной Марики Рёк, Die Madchen fon mein etraume, и с той послевоенной поры все австриячки монтируются из высоких белокурых или каштановых причесок, осеняющих чистые высокие лбы, мерцающие

влажные взгляды и влажные же чувственные губы, из высокой, пышной груди и заманчиво белеющих в кипени нижних юбок упругих ножек.

Мистификация пробуждающегося после войны полового чувства подростка, воспитанного на «Двух бойцах» и «В шесть часов вечера после войны».

Марика Рёк была откровением. А вот и он, автор этих моих послевоенных грез, навеянных его «сказками Венского леса» - Йоганн Штраус со скрипкой, продлевающей вскинутое плечо, рука со смычком вот-вот извлечет из струн соловьиный шелк лесного утра, а нимфы и феи в манере «югендштиль» ластанутся к постаменту памятника, на фоне которого два японца увековечиваются «Никоном».

Выходим из парка на Ринг. Штубенринг. Шубертринг. Иные «ринги».

Отель «Мариотт». Ливрейный, в цилиндре из золотого атласа негр распахивает дверцы блестящих, подкатывающих к отелю лимузинов, как врата судьбы, ведущие к роскоши, власти, утонченному обжорству.

Посольство. Поездка в Хофбург, XIV век, на лужайке опробуется клетка для узника совести, белотелые латышки репетируют послезатрашний марш к утраченной свободе прибалтийских народов, а во дворце, где полтора с лишним века назад заседал и танцевал Венский конгресс – модерна интертолпа пляшет свои суетливые пляски.

Идет аккредитация. Три нежные феи из секретариата выискивают наши фамилии в списках, запрашивают компьютер, и если тот отвечает согласием – направляют к «поляроиду», который – о, несбыточная мечта фотографов-«пушкарей» моего детства! – тут же выдает ваше цветное фото, но не раньше, чем на экране дисплея возникнет ваше нынешнее изображение, западающее в память терминала для последующего сравнения с нагрудным снимком. Требования безопасности.

Довольно долгая, но небезопасная процедура – есть время оглядеться, оглянуться, втянуть в узкий прищур глаз разнообразие лиц, одежд, повадок, судеб...

Беседа с федеральным министром иностранных дел Петером Янковичем. Болезненный блондинисто-лысый человечек, острый носик, остролобый череп, ожидаемая дипломатическая болтовня:

-Я вам – впечатления от Бриони (?), вы мне – от Рейкьявика...

Австрия приложит все усилия к тому. Чтобы Венская встреча прошла без конфронтации... Нейтральные и неприсоединившиеся желают сотрудничать по всем трем «корзинам»... Предвижу, что обсуждение вопросов «третьей корзины» будет чрезвычайно оживленным. Хотел бы предупредить, что Австрия намерена следить за этим с повышенным вниманием...

Взаимные реверансы и предупреждения следовали практически по всем направлениям, пока дело не дошло до Рейкьявика. Здесь Эдик ощерился и выдал американцам за обман, неспособность, неготовность и т.п.

-Мне поручено выяснить у господина Шульца, намерены ли американцы продолжать начатый в Рейкьявике процесс... Разговаривать с госсекретарем Шульцем хотим откровенно...

Засиделись у федерального министра Янковича, опоздали к федеральному канцлеру Францу Враницкому.

Утром, на Ринге, видели щиты с цветным портретом голубоглазого красавца. Подумалось: кинозвезда, ничего подобного – федеральный канцлер Франц В., что не мешает ему быть баскетболистом и горнолыжником.

Такая порода политиков выведена ныне в Европе, да не только в ней. Телевидение подталкивает партии выбирать из своей среды не самых уродливых.

Он начинает, поставив перед собой блюдо с венскими изделиями. Скорбь сладкоежки: не достались пирожные у Янковича, - была надежда на канцлера. А он ест сам. И – говорит:

-С вашим приездом в Вену многие связывают надежды на успешность вашего рандеву с Шульцем. Кое у кого даже складывается впечатление, что, если после Рейкьявика вы встречаетесь с Шульцем – Венская встреча отходит на второй план.

Для нас, австрийцев, Венская встреча – очень ответственное дело. Мы, находящиеся на водоразделе двух миров, больше кого бы то ни было желаем ей успеха, хотим чтобы дух Хельсинки – восторжествовал. И мы намерены быть не только хозяевами, но и стимулировать сближение...

Э.А. начал с приветов от М.С. и комплиментов в адрес советско-австрийских отношений, в том числе – торгово-экономических.

Враницкий: -Здесь был Аристов, мы очень обстоятельно поговорили.

Э.А.: -Ну, а мы будем оказывать самое мощное внешнеполитическое давление на МВТ (?).

Враницкий: -Но только так, чтобы не сняли Аристова.

Они смеются, эти два красивых мужика.

Э.А.: В аэропорту Вены меня спросили о моих видах на встречу с Шульцем. Я сказал, что для меня здесь главное – Венская встреча, а уже потом беседы с коллегами.

И вновь он проталкивает идею Стокгольма-2, флиртует с «Н+Н» (?), но и резервирует возможность контактов по линии НАТО-ОВД.

У Враницкого – молодая, внешне – спортивно-студенческая команда и такие же повадки. Франц ест пирожное и не отвечает на телефонные, явно дамские звонки. И при этом не забывает о деле, например – вламывает Колю.

-Как вы расцениваете его послерейкьявикское заявление: мне оно не понятно. Э.А.: -Вы затронули очень важный вопрос. К сожалению, Коль – не исключение. И Франция, и Англия высказываются за сохранение в Европе ядерного оружия. А ведь до Рейкьявика они вели совсем иные речи. И нас особенно настораживает, что новые высказывания появляются после контактов с американцами. Начинается практическое размывание почвы, подготовленной до Рейкьявика.

Враницкий: -Но есть ли видимая линия развития? Или вы упираетесь в черту?

Э.А. –Если бы в Рейкьявике стороны не остановились на достигнутом... Знаете, нынешняя ситуация напоминает мне 45-й год, когда появилось атомное оружие. Народы тогда не знали о нем. Сейчас знают: скоро появится СОИ. Если они все выступят против нее...

Так они высказывались какое-то время против СОИ, и вдруг Враницкий сказал:

-С тех пор, как президентом Австрийской республики был избран господин Курт Вальдхайм, мы все время получаем неприятные «отклоняющие» сигналы. Они направлены не только против президента, но и против Австрии.

Что вы по этому поводу думаете? Это весьма неортодоксальный вопрос, но мир складывается лишь из ортодоксальных тем. Комментарии в связи с нашим президентом таковы, что якобы Австрия поворачивает вправо. Ничего такого не происходит, но эти высказывания появляются в странах, являющихся нашими конкурентами.

Э.А. начинает отвечать издали и весьма уклончиво, но постепенно приходит к некоторой определенности:

-Мы помним господина Вальдхайма на посту Генерального секретаря ООН. У нас были самые добрые отношения. И если даже в прошлом он был не совсем таким, каким следовало бы быть президенту Австрии, наше отношение к нему остается уважительным. Никому не должно быть дела до того, кого выбирает в президенты австрийский народ. Это его внутреннее дело, и вмешиваться в него недопустимо.

Беседа окончена. Телерепортерша с ямочками допрашивает собеседников.

Выходим на улицу. Какой-то ряженный, в костюме ala Кторов из «Праздника святого Иоргена» приветствует Э.А. Тот выходит из машины и пожимает его честную, затянутую в беспальцевые перчатки, ручку.

На соседней улице волнуется демонстрация, выходящая в город под лозунгом «Свободу Эстонии».

Едем через всю вечеряющую Вену, мимо памятника Советской Армии, который вчера пытались повредить, едем в окраинный район, Аустрия-центр, где располагается агентство МАГАТЭ. Современное здание, с верхних этажей которого открывается прекрасный вид на Вену, наконец-то освободившуюся от дождевой пелены.

Генеральный директор МАГАТЭ Х. Бликс рассыпается в благодарностях за визит и, если вдуматься, за Чернобыль, благодаря которому «в этом году наше агентство удостоилось высокой похвалы общественности».

-Я вправе гордиться сотрудниками моего секретариата, но без желания государств пользоваться нашими услугами деятельность агентства – ноль.

Если бы Советский Союз не пригласил меня после аварии – мировая общественность обвинила бы нас в том, что мы еще одна международная организация, которая ничего не делает. Однако последовавшая за Чернобылем череда событий позволила миру лучше оценить деятельность агентства. Мой визит в Москву и моя московская пресс-конференция успокоила мировую общественность, ибо мы смогли после этого сообщить ей немало утешительного.

Впоследствии, а именно летом, мы провели международную конференцию экспертов, в ходе которой, с рекордной быстротой, сумели выработать соглашение.

Когда вы сообщили миру об аварии с подводной лодкой – доверие к конвенции повысилось. После конференции 500 ведущих экспертов слушали доклад Легасова о причинах Чернобыля. На его долю выпала не очень приятная обязанность, но международное общественное мнение расценило доклад как поворотный пункт.

В результате: мы с вами сослужили добрую службу миру; Советский Союз повысил свой авторитет.

Э.А. выразил радость по поводу своего пребывания в Мекке атомной энергетики (смех). Засим он сказал, что Бликс приехал к нам в мае не для того, чтобы предъявить претензии Советскому Союзу, а чтобы помочь преодолеть невзгоду, и это у нас оценили очень высоко. Несмотря на трудности предоставления информации – ядерная держава, секретность, престиж – мы пошли на это. Было прямое указание Горбачева. Теперь создан эталон международного сотрудничества.

Бликс: -Ситуация сейчас такая, что ни одна страна не может позволить себе Чернобыль. Для успешного продолжения сотрудничества необходимо активно информировать общественность. Есть много причин, по которым ядерная, атомная энергетика должна существовать, но главный фактор – экологический. Здесь тревога равна угрозе ядерной войны. Гибель лесов, озер, рек, парниковый эффект вызваны не атомной энергетикой, а использованием ископаемых источников энергии. В заключение Бликс коснулся инспекций на местах.

-Для будущего очень важно, что мы осуществляем инспекции в четырех из пяти ядерных держав. В контексте разоружения этот наш опыт может иметь очень большое значение. Мы надеемся, что ваше правительство будет предлагать для инспекций больше реакторов, чем сейчас.

Э.А. поблагодарил за информацию о реакторах на легкой воде и принялся расхваливать термоядерный синтез.

-Недавно я осмотрел установку моего друга академика Велихова – она произвела на меня огромное впечатление. Сейчас термояд не может заменить ядерную энергетику, но со временем... По существу, эта технология снимает проблему безопасности...

Что же касается проблемы инспекций и контроля, то вы знаете нашу позицию. Проблема относительно новая, а процесс утверждения нового проходит небезболезненно...

Мое личное, может быть – дилетантское мнение: пока это новое явление – я бы не стал гнаться за количеством. Не скомпрометировать бы саму идею, двигаться к ее осуществлению шаг за шагом...

Меня больше волнует другая проблема – развивающихся стран. Чернобыльская авария произошла в стране, накопившей огромный опыт и богатые традиции в использовании

атомной энергии. Теперь представьте себе аварию в стране, только начинающей осваивать этот вид энергетики... Думаю, что внимание надо уделить тем районам, откуда мы больше всего ждем неприятностей...

Гонка за призраком. Неожиданно сообщили: состоится необъявленная встреча с президентом Австрии.

Дворец Марии-Терезии, весь в завитках рококо. И Курт Вальдхайм – завиток, но не рококо, а политической карьеры.

Устраиваемся в президентском кабинете, золоченном, гобеленном, облезлом и потертом как хозяин. Э.А. передает приветы от М.С и А.А. (?)

-Официальные поздравления от советского руководства вы получили. Но, поскольку там нет моей подписи – позвольте поздравить лично. Советские люди рады вашему избранию президентом дружественной страны. В СССР вас знают как крупного политического деятеля. Польщенный хозяин спрашивает: чай? кофе?

-Кофе, - выбирает Э.А. – Министр иностранных дел не должен спать.

Вальдхайм настойчиво расспрашивает про Рейкьявик, столь же настойчиво расспрашивает про причины разночтений, негодует по адресу средств массовой информации, искажающих содержание Рейкьявика.

-Они все перевирают и этим осложняют и без того серьезные вещи. Я это знаю по себе... Ради этой последней фразы он и выстраивал свою речь...

Бедный президент, которого не признает мировая пресса.

Разговор очень живописно врисовывается в гигантское панно Грейнеля (1720-1798) «Опера «Парнас» в Венской опере».

Любезный хозяин подводит к часам с циферблатом наоборот. Здесь была спальня Марии Терезии. Часы отражались в зеркале. Так императрице удобнее было узнавать время.

Комментарий С.П. Тарасенко:

-Самодурство, оно ведь разное бывает: грубое или, скажем, утонченное, как у этой Марии. только в ее случае это каприз или высочайшее желание. Тоже разные названия.

В довершение господин президент сообщил, что его кабинет располагается в бывшем кабинете бывшего императора Иозефа. По-моему, и сам он – бывший.

В посольстве нас ждал товарищ Франц Мури, генеральный секретарь ЦК Австрийской компартии. Э.А. добросовестно проинформировал об обстановке после Рейкьявика, дал свой анализ европейских дел, поговорил о двусторонних отношениях.

-Я думаю, и в ваших интересах, чтобы они развивались нормально.

Мне вспомнился «киноплакат Враницкого»: «Der Mann, dem Osterreich vertraut» - человек, которому доверяет Австрия. А этому она – доверяет? И доверяет ли он нам?

Э.А. говорит о положении в стране, о том, что многое в ней меняется, вспыхивает энтузиазм, сравнимый с порой первых пятилеток и т.п. Однако трудности есть, и они связаны с отработкой механизма выполнения решений партии, с психологией отношения к ней.

Активно работаем на международном направлении. Не знаю, как вы, а мы чувствуем: авторитет социализма растет. И хотя многое утрачено – сейчас наверстываем.

Мы осознаем свою ответственность перед другими коммунистическими и рабочими партиями, перед вашей партией. Помню, не забываю ваш съезд, мое участие в нем. Дорожу этими воспоминаниями.

Сегодня, 3 ноября – день рождения Австрийской компартии. Сердечно поздравляю вас...

Мури благодарит, говорит о позитивном воздействии советской политики на «наши дела», о резонансе в Австрии на советские предложения. Австрийская компартия озабочена тенденцией передачи национальных предприятий иностранному капиталу, в частности – ФРГ, попытками привязать Австрию к Общему рынку.

Жалуется на слабости в оргпарработе – совсем как какой-нибудь областной товарищ...

10 ч. вечера. Плетемся в гастхаус Карлсплатц, чудовище Карлскирхе, а ведь – начало XVIII века, когда стили откristализовывались, как шпили поздней готики. А здесь – и готика, и античный портик, и мусульманские минареты, и барочные приделы, и современная скульптура поодаль, небрежно брошенная на подмостки театрона.

Staatsoperoffnung, Otelam Schubertring, отель «Империял», «здесь в 1875 г. с семьей останавливался Рихард Вагнер, прибывший в Вену в связи с постановкой своих опер «Тангейзер» и «Лоэнгрин». Жил здесь два месяца».

Командировочных было много. Wiener Waltzen. В отеле музыкальный ящик выдавал из своих щелей вальсы. Какой полнометражный день!

4 ноября

Рано-раненько, в 8.30 утра – встреча со старым знакомым сэром Джеффри Хау. Переговоры проходят в импозантном зале, где некогда Бровастый Ленья и Джимми – Фисташковый король подписали договор ОСВ-2.

И, как бы желая соответствовать месту, собеседники начинают беседу в этаким щегольско-элегантном стиле:

Э.А.: -Рад приветствовать вас в советском посольстве и продолжить диалог, который приобретает постоянный характер.

Хау: -Да, по-моему, мы встречаемся уже в пятый раз...

Э.А. –И кое-что успеваем сделать. Когда диалог ведут министры иностранных дел – уровень политического сотрудничества держится высоко.

Хау принимает подачу и очерчивает поле для игры: встречи в Рейкьявике, беседы Э.А. с Шульцем, Женевские переговоры по МКВ, контроль, «мы приветствуем заявление господина Горбачева о незначете английских и французских ядерных силах сдерживания». Заметно ощутимый холодок пробежал по историческому залу, остудив теплую атмосферу встречи.

Э.А.: -После Рейкьявика возникла качественно новая перспектива. По существу, там многое произошло впервые. Впервые было сказано о том, что стороны обязываются ликвидировать все стратегические наступательные вооружения к 1996 году;

Впервые изложена новая позиция относительно английских и французских ядерных сил;

Впервые после 1972 года согласован вопрос о сроке невыхода из ПРО...

Засим последовал короткий и резкий выпад:

-Мы ожидаем, что англичане и французы займут более рациональную позицию. Наверное, всем ядерным государствам следовало бы более четко определить свое место в этом историческом процессе.

Когда в Европе будут ликвидированы советские и американские ракеты, мы останемся один на один с английскими и французскими ядерными средствами. Откровенно говоря, ожидал от Вас несколько иного заявления...

Английский переводчик героически улыбается. Эта улыбка сохранится на его английском лице весь переговорный тайм, срастившись с произносимым им текстом. Будто он уже не над нами – над русским языком смеется.

Э.А. работает с большим джентльменским набором: СОИ – единственное препятствие и причина срыва Рейкьявика, химия, обычное оружие и т.п. Но есть и восхитительные свежие врезки:

-Перед встречей с вами просмотрел записи наших прежних бесед. Во время одной из них вы просили меня не возражать против исключительно исследовательского характера СОИ.

О том же самом меня просила премьер-министр Тэтчер.

Мы учитывали ваши пожелания, когда дали согласие американцам на расширительное толкование понятия «лаборатория».

Мы честны и перед вами и ждем того же и от вас...

Хау: -Не собираюсь останавливаться на вопросе о СОИ. Скажу лишь, что, по нашему мнению, крайне важно придерживаться договора по ПРО. У нас сложилось впечатление, что в Советском Союзе предпочитают узкое толкование этого договора. Для нас очень важно то, что и вопрос вооружений меньшей дальности тоже рассматривается по-новому. Однако сразу же хотел бы внести ясность: проблему сокращения СНВ нельзя решить в отрыве от проблемы обычных вооружений. Здесь существует огромный дисбаланс, и не в вашу пользу. А ваше Будапештское предложение основывается на посылке, что существует баланс.

Вопрос о безопасности наших стран следует рассматривать в контексте дисбаланса обычных вооружений.

Э.А.: -У вас хорошая школа математиков. Но и мы умеем считать...

Хау: -Если не будет соглашения по обычным вооружениям, не будет никакого движения.

Э.А.: -Так начнем же его!

Хау: -Приступаем. Но начнем с линии: дисбаланс есть.

Э.А. -А наши специалисты утверждают: нет.

Хау: -Вот почему в Вене мы не смогли продвинуться вперед.

Э.А.: -Вена – это войска и вооружения в Центральной Европе. А мы говорим о всей Европе.

Хау: -Дисбаланс – вот в чем камень преткновения.

Э.А.: -Дайте список!

Хау: -Дисбаланс остается.

Э.А.: -Пусть эксперты сядут за стол.

Хау: -Мы сейчас не сможем решить этот вопрос. Давайте поговорим о правах человека. Дело Лаптева улажено, и его сын просил поблагодарить вас. Однако остались другие. В более широком контексте их дела выходят за рамки двусторонних отношений. Я говорю о Сахарове, Орлове, Ратушинской.

Э.А.: Орлов уже в Штатах. Я вижу, у вас более обширная информация, чем у меня...

Хау: -Ратушинская освобождена из тюрьмы, но не получила визы на въезд в Англию на медицинское обследование... Мы озабочены вашей реакцией на инцидент в Хитроу. Правительство Сирии замешано в нем.

Э.А. – Поговорить по всем вопросам прав человека не позволяет время. Однако скажу: в вопросах законодательства много неразберихи. И нам, и вам надо серьезно поработать.

Мы начинаем консультации по терроризму. Что же касается Сирии, то мы знакомы с вашим заявлением в палате общин. Но и Сирия представила нам свои материалы, и они убеждают больше, чем ваши.

Я бы не забывал, что дезинформация имеет в прошлом печальные примеры. Например, Ливия. До сих пор нет убедительных доказательств ее причастности к взрыву в Западном Берлине.

Если у вас есть или будут более конкретные факты – мы будем рады рассмотреть их. Ведь у нас с Сирией давние отношения, и нам важно знать, насколько ее правительство искренне с нами.

Хау перечисляет доказательства причастности Сирии к несостоявшемуся взрыву в Хитроу, затем начинает поносить Каддафи, недавно заявившего о своей поддержке ИРА.

Э.А.: -А как он к этому пришел? Ведь как только его не оскорбляют. Тут кого угодно поддержишь...

Завершают красиво.

Хау: -Премьер-министр с нетерпением ждет визита в Советский Союз.

Э.А.: -И мы тоже...

Едем в Хофбург на открытие встречи. Очень красиво и церемонно встречают. Э.А. – в скрещении взглядов и вниманий. Электроника срабатывает, раздвигая барьер с гвоздиками, и по парадной лестнице – вверх.

У вершины лестничного марша попадаем в окружение министров. Сильнейшая концентрация министров иностранных дел. Виярюнен, финн, пожимает руку; француз

Ремон просит о встрече. В кафетерии дворца подходят поочередно Хау, Уллеман-Енсен, Диздаревич, наши друзья Хнеупек, Фишер, Варкони...

Атаки папарацци. Без ложной скромности, к нашему интерес – рекордный. Какая-то красивая пожилая женщина вручает ему свою, изданную венским институтом по разоружению, книгу.

Торжественная церемония открытия встречи в Festsaal Хофбурга. Мы сидим в последнем ряду, заднескамеечники. Рядом – югославы.

Выступает Франц Враницкий.

-Безопасность обеспечивается не только военными средствами. Без общения людей через границы не может быть подлинной безопасности...

Сто семьдесят два года назад в этом зале заседал Венский конгресс. Он плясал, а между турами вальсов перекраивал политическую карту Европы в пользу нескольких сильных мира. Враницкий «перекраивает» нравы того времени.

-Надо наладить сотрудничество не только в высших слоях Европы, но, доведя дух Хельсинки до рядовых граждан, убрать разделяющие их стены. Любая граница, о которую разбиваются волны духовных ожиданий, является историческим анахронизмом.

Открывая двери нашей страны и нашего общества, мы подаем добрый пример. При этом мы говорим: без участия широкой общественности общеевропейский процесс мертв. Нам необходима открытая информация о ходе переговоров, затрагивающих судьбы Европы.

Диалог – это не то, что произносится с трибуны. Он истинно осуществляется лишь там, где есть готовность к разумному компромиссу».

Свою, полную намеков, речь Враницкий закончил без эвфемизмов, цитатой из Берты Шуднер: «Невозможно улыбаться сквозь стиснутые зубы, невозможно пожимать руки, если у вас сжаты кулаки».

После Враницкого выступил представитель Куэльяра исполнительный секретарь экономической комиссии ООН для Европы, который сообщил, что государства этого континента, достигшие самого высокого в мире уровня жизни, расходуют на вооружения 80 процентов всей затрачиваемой на эти цели суммы.

На улицах – демонстрации, клетка с томящимся в ней советским евреем, синие полотнища прибалтийских ревнителей свободы.

Пробежка по ослепительно богатой и изысканной Кершнерштрассе. Ты посрамлен, Старый Арбат. Величие, строгость, высота Стефансдом, слияние романского и готического, начал строиться в год основания Москвы, вот где разница в уровнях отчетлива.

Вошли, постояли, послушали радиофицированную мессу и «аллилуйю» в ритме диксиленда.

Бело-красные знамена Вены на зданиях-памятниках.

В посольстве шла встреча с Гансом-Дитрихом Геншером, а мы в это время наводили последний лоск на завтрашнюю речь Э.А. Она без того блестит сверх всякой меры.

Очень упругий и экономный стиль. В каждой фразе – мысль. Толчок, старт – от Рейкьявика. Четкое изложение его уроков. Находки – вроде «шоколадного набора из бонбоньерки» и т. п. А Геншер, рассказывают, представил «объяснительную записку» федерального канцлера Коля Генеральному секретарю ЦК КПСС по поводу его недопустимых сравнений, зачитал голосом робкого школяра, а Э.А. прочел письмо главного редактора «Ньюсуик», уличающего Коля во лжи, и спросил, кому же верить.

-Честно говоря, мне стало жаль Ганса-Дитриха, - сказал он после переговоров.

5 ноября 1986 г.

Наш день. В Хофбурге – «день поработанных наций». Упругие белорозовые латышки в национальных нарядах улыбочиво приветствуют Э.А.: «Лаб диен». Демонстрация доброжелательности: «Вот мы какие».

В толпе мининдел шныряют жертвы империи зла. Только поздоровались, только поговорили с Андреотти, как какая-то женщина, внешне очень советская, очень по-советски говорит Э.А.:

-Товарищ Шеварднадзе, исправьте ошибку Сталина, верните крымские татар на родину. И подает ему два экземпляра книжки «The Man and his people» - о татарском узнике совести Мустафе Джамилеве. Э.А. передает книги мне и кивает женщине головой – то ли приветствие, то ли знак согласия.

Знакомые места в знакомом Праздничном зале. Знакомые лица, как говорят, - до боли знакомые. Мелькнул член-корреспондент Академии наук Армянской ССР физик Юрий Орлов, недавно выменянный на Николаса Данилоффа. Узник, которому повезло.

-Э.А., хотите взглянуть на Юрия Орлова?

Мотает головой в знак несогласия, но украдкой, боковым зрением – схватывает шуплую фигуру-победителя.

Председательствует О. Фишер (ГДР). Первым выступает венгр Варкони. Академическая скучная речь. За ней – наш черед.

К этому моменту зал переполнен людьми и вниманием. Интерес подогрет спекуляциями прессы: состоится битва титанов, Шульц предъявит СССР обвинительное заключение по правам человека, Шеварднадзе уличит США в срыве Рейкьявика... Сразу из аэропорта Шульц поедет на прием в честь правозащитников, Шеварднадзе будет вынужден проглотить эту горькую пилюлю.

Выходим на трибуну и в «кромешной тишине» страстно и твердо произносим приговор Западу и США, акцентируя уроки Рейкьявика, из которых вытаскиваем еще одно обвинение Западной Европе, а под конец делаем фокус – приглашаем провести в Москве конференцию по правам человека.

После нас народ разбегается, уходит с выступления канадца Джо Кларка, не заботясь о соблюдении правил приличия.

Спустя какое-то время уходим и мы. И опять в вестибюлях и на лестничных маршах нас перехватывают и вручают брошюры в защиту кришнаитов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, просто людей, позволивших себе сметь свое суждение иметь.

Крепко же мы напугали собой мир!

Можно было бы съездить во дворец Паллавачини и принять пищу от имени Враницкого и Янковича, но надо готовиться к встрече с Шульцем.

На эту встречу я не еду. Едет американист С.П. Тарасенко. Встреча пройдет в посольстве США.

Там наших встречает демонстрация. И матч СССР-США, первый его венский тайм, завершается бессовестной нулевой ничьей. По словам Э.А., в поведении Шульца он усмотрел желание уклониться от дела, переложить все на плечи экспертов, ибо «правые бьют его за Рейкьявик, и положение у него тяжелое».

Тут вспоминается, что после Исландии лишь «дядя Жора» сказал правду о Рейкьявике, и на фоне извиваний Рейгана это произвело впечатление предательства. А тут еще М.С. и мой патрон предъявили доказательства рейгановской неправды, после чего Джордж Ш. и вовсе оказался как бы в одной компании с нами.

Американцы предложили реестр зон – полного согласия, ограниченного согласия и абсолютного несогласия. Наши усмотрели в этом попытку растащить «рейкьявикский текст» Горбачева и ответили отказом. Договорились о встрече экспертов, те встретились, судили, рядили, ни о чем не договорились.

Завтра утром, перед отъездом еще одна встреча «двух Ш.». Но Э.А., не надеясь на приличный результат, засаживает меня с С.П. за заявление для прессы.

-Пооригинальнее... Не могу не высказать общее впечатление... Ведущие натовские страны никак не могут адаптироваться в новых условиях... Их позиция оставляет двойственное чувство... Рейкьявик создал новое качество политической жизни Европы...

Сидим дотемна, кропаем, а мне не сидится и не кропается... Возвращаемся в два часа ночи. Что тут увидишь и разглядишь? Только таблички с названиями улиц, по которым идешь в отель: Беатриксгассе, Райзнерштрассе...

Казнь – невозможность жить и дышать этим городом.

6 ноября

Продолжение и финал переговоров с Шульцем. У посольства – засада репортеров. Пестрые цветастые куртки-пуховки, но преобладает синий – цвет репортерских лиц, обожженных предрассветной стужей. Они здесь с 5 утра. И здесь же наш знакомый мессия в белом балахоне и лавровом венке. Машет нам рукой, подмигивает.

-Интересно, сколько ему платят?

-Работает из чистой любви к искусству, - говорит С.П. – Разве вы не видите, что он уже не здесь, а там, не с нами?

Выходят американцы. С пустыми руками. Ни о чем не договорились.

Едем в аэропорт. Летучая пресс-конференция. Возвращение в Москву. В Москве мороз. Э.А. отправляется на торжественное заседание по случаю 69-й годовщины Октября, а мы – по домам.

В «Гардиан» - рецензия на вчерашний наш спич: «Крепко сбита, картезианская речь Шеварднадзе...»

7-13 ноября

Неделя между праздниками и домкиношной премьерой «Покаяния». Неделя нервозности из-за моей статьи в «Известиях».

Значит так, заказал мне Игорь Голембиовский статью – не рецензию, и я сочинил ее, «от имени и по поручению» мальчиков 30-х годов рождения. Детей «врагов народа». Произошло это где-то в середине октября, когда в Тбилиси наметилась премьера. Но тем временем над фильмом, по словам Э.А., сгустились тучи. Тем не менее тбилисская премьера состоялась, а по Москве покатила волна полуподпольных «покаяний». Ахи, ахи, отклики, в т.ч. зарубежные. Статью Э.А. не показывал, опасаясь поставить и себя, и его в двусмысленное положение, но сентенции выслушивал и невольно для себя вносил в статью коррективы.

Тем временем главный редактор «Известий» устроил громкую читку моей скромной работы. В обсуждении, кажется, участвовал весь редакционный коллектив, не исключая курьеров. Советы давали: Мэлор Стуруа, Надеин, Лева Корнешов, Эдик Поляновский и пр., и пр.

Эдик, тот вообще договорился до утверждения, что первые две мои колонки превыше Лакшина (тот написал для «Москоуньюс»).

Наконец, 13 ноября, в день премьеры в Доме кино, решили ставить в номер. Поехал в «Известия» и увидел, как Лаптев, зажмурившись, закругляет мою статью, такая она для него нестерпимо острая. Вставал, точнее, садился на его место и тоже самое делал. Но как автор – трепетал, возмущался, протестовал.

Главный мазал раны сливками:

-Уже один только факт этой публикации – сенсация.

К 14 часам от моей статьи почти ничего не осталось.

В 15 ч. позвонил Игорь и поздравил с выходом статьи в свет.

В 15 ч.10 м. позвонил он же и сказал, что по указанию свыше машины остановлены, материал вынут из номера, который сейчас переверстывается.

Что такое? Почему? Откуда? Куда?

-Не беспокойся. Просто сказано не давать, покуда не выйдет на московский экран.

Вечером – в столпотворении у Дома кино – Наташа Крымова:

-Вас можно поздравить?

-С чем?

-Со статьей о «Покаянии».

Вот как разбегаются вести из подполья.

-Статья не вышла.

Просмотр в двух залах. Яблоку, как говорится... Все на ура, при звучных и беззвучных аплодисментах, видимых и невидимых слезах, разговорах «вот какие времена настали, «как можно жить по старому» и пр., и пр.

Состоялась овация, перешедшая в демонстрацию. А после вышел на эстраду многотонный Виктор... и вывел грузинскую делегацию во главе с Тенгизом Абуладзе. Сказал несколько обжигающих слов о фильме, открывающем закрытые зоны нашей истории, о людях, сделавших фильм, и как замечательно, что сделали они его в Грузии, во искупление грехов ее «великого» сына, ибо художник, подлинный представитель своего народа и своего времени, отвечает пред миром и не только за свое время, но и за прошлое. Потом Тенгиз просто представил своих коллег, им много аплодировали, и больше всего рукоплесканий досталось Авто Махарадзе.

От него пахивало водкой и тревогой.

-Почему не дали рецензию, почему?

-Не знаю...

А тем временем массы шли и шли к телам героев – ласкать и лобызать своей благодарностью. Складывали губы для поцелуев, распахивали объятия, и в этой процессии все были избранны, желанны и званы. Чего уж тут, и мне того же... Но я и раздумывал горестно, о том, что только готовностью к мученичеству добывается подлинная слава. Если, конечно, тебя до срока не упрячут бессрочно...

Тенгизу повезло – он притулился к Э.А. А если бы не было такого? Рискнул бы он на этот фильм?

Вернулся на работу, рассказал Э.А. о премьере и о судьбе своей рецензии.

-Ну что ж, прекрасно. Подождем выхода на экран.

15 ноября

Начали подготовку материалов к визиту М.С.Г. в Индию. Переписали уйму бракованных бумаг, но одну написали заново – речь в индийском парламенте. Ничего получилось, с пробросами из Тагора, с ссылками на «Дом и мир», на непротивленческую сущность наших народов, на тягу к самосовершенствованию, созерцанию собственного пупа и пр. и пр.

22 ноября

Что-то удивительное происходит в Отечестве, что-то невообразимое, хотя и смутно памятное. Ага, «Оттепель-2». Тогда, в конце пятидесятых, мы были молоды, радовались оттепели и не знали, что за ней наступят долгие заморозки. Юный Евтушенко писал и печатал в «Правде» своих «Наследников Сталина», а наследники Сталина организовались и скушали Никиту Х. Период десталинизации» завершился воцарением бабника, сластолюбца и посредственности Леонида Б., который привел с собой когорту серых и гнусных людей.

Теперь звонит мне старый Евтушенко и говорит:

-У меня в «Совкультуре» лежит мощная статья. Там есть про «Покаяние». Говорят, и у тебя что-то есть в «Известиях». Я написал письмо Горбачеву, чтобы пропустили. И тебе это откроет дорогу.

А тем временем в «Москоуньюс» появляется прекрасная рецензия Лакшина – с очень точной мыслью о диктаторе, который хочет быть любимым всеми.

А тем временем новый редактор «Москоуньюс» Егор Яковлев превращает свое специализированное издание в яркое общественно-политическое явление.

А тем временем ярко разгорается «Огонек», раздуваемый Виталием Коротичем.

А тем временем... Тем временем из небытия, небыли, неизвестности извлекаются имена Ходасевича, Гумилева, Набокова и пр. и пр. «Дружба народов» анонсирует роман Рыбакова «Дети Арбата», где будет выведен реальный Сталин.

Наша печать переживает удивительный ренессанс. Сколько, оказывается, у нас талантов! И как действенна, как продуктивна их конкуренция!

Еще вчера пепельно-серая «Советская Россия» наполняется интенсивным свечением. Еще вчера скучный «Октябрь» под руководством Г. Бакланова выдвигается в первые ряды литературных журналов.

Брожение, явно поощряемое сверху, захватывает творческие союзы. Очень сильно и действительно они проявляются на съезде кинематографистов, которому предшествовала массированная атака средств массовой информации. В результате низложен генерал от кинематографии Лев Кулиджанов и на трон возведен вчерашний полуизгой Элем Климов.

-Так что же все-таки произошло на съезде? – спросила его одна американская журналистка.

-Большинство, желающее перемен, взяло верх над меньшинством, не желающим их.

Такова модель общественной ситуации. Хотя, думаю, не все слои общества живут такой «горячкой перемен». Она объяла лишь средства массовой информации и интеллигенцию, которые и составляют сейчас единственную, пожалуй, опору «революции Горбачева».

И все-таки, все-таки!

Один западный коллега жалуется руководителям своей редакции: «Перед моим выездом сюда мне советовали захватить как можно больше книг и журналов, ибо жизнь в Москве скучна, и по вечерам нечего делать. А теперь у меня не остается времени ни на что, кроме здешней периодики, переполненной сенсационной информацией, которую невозможно переварить, так ее много...»

«Слух обо мне прошел по всей Руси...»

Звонят разные люди и благодарят за мою ненапечатанную статью. «Автор нашумевших гранок» пугается – ведь этак можно прослыть фабрикатом самиздата.

Журнально-газетный ренессанс не захватывает, однако, провинцию и периферические окончания столичных нервных узлов. Время от времени «Правда» публикует сообщения о строгих партийных взысканиях, вынесенных местным партократам за зажим и умерщвление критики.

Но и это уже кое-что!

Так перейдет ли оттепель 87 года в долгожданный разлив, или снова вернутся заморозки? Насколько устойчива нынешняя погода, - ведь ее перемены по-прежнему зависят от капризов демиурга, а не от объективных сил политической природы общества.

24 ноября

В Индию, где якобы не счесть алмазов в каменных пещерах. Хождение за три моря – через Ташкент. Спецрейс. Удостоен чести лететь с... Кругом девятки, камеристки, массажистки, куафюры, кручины, плехановы, докучаевы, чазовцы и пр. и пр. Но, к счастью, и С.П. Тарасенко, не говоря уже об Э.А.

Проводы во Внуково-II. Элитные сорта гордо колосющейся пшеницы. Но клонятся низко, отшатываясь перед могучим ветром Генерального. His wife and his референт. Озьябшая на московском морозе махарани, супруга индийского посла Кау ля.

О, как они сплочены перед объективами фото-теле-кинокамер!

Взлетаем и через три часа сели в городе хлебном. Как всегда, нас встречает не святая троица – Он, Она, Оно. Прихвостни Шарафа Рашидова, большого узбекского прозаика и плута, который вместо составов с хлопком слал в ситцевую и хлопчатобумажную Россию самолеты с денежными мешками.

Да здравствует феодализм, светлое прошлое всего человечества!

Резиденция a la Крцаниси. Ну, не совсем a la, но, в общем, тот же типоразмер.

Поехал в город. Мрак режима экономии. Ни огня. Сплошные черные хаты. Затемнение. Толпы, схожие с пхеньянскими.

25 ноября

Едем в аэропорт. И я от полноты души молвлю: «С удовольствием остался бы в Ташкенте».

И тут машина начинает чихать, дергаться, останавливаться. А кортеж уже поедается жадно-

гостеприимными воротами ташкентского аэропуэрто. Так что же, остаемся в столице сартов?

Но нас подобрала другая – резервная машина.

Взлет. Туман. Седые горы. Гималаи: мнятся мне. Нет, мы пройдем над частицей крыши мира, обогнем Афганистан и Пакистан или – и вовсе пересечем их.

Словом, над затянутым в туман Бадахшаном и над странами, которые дерутся и кровоточат. Но сверху – ни кровинки. Сверху они предстают вконец обескровленными. Или это всего лишь истрескавшийся бурый пергамент, давным-давно исписанный историей и теперь изнемогающий от жестоких письмен нового времени.

Пределы Индии. Земля индиго-цвета, изрытая кратерами и террасами. Нечто совсем никогда невиданного, закраина восприятия действительности.

Делийские Черемушки. Марево – чего? Долгая рулежка вдоль терниевых оград колючей проволоки и колюче-усатых индийских секьюрити, заgrimированных под нищенствующих дервишей.

Аэропорт Палам (?). Президентский навес. Огромные портреты – Его и Ея. Такого мир еще не видывал. Цветные фото Ея Величества. И королевская ковровая дорожка, а вдоль нее – сплошной экзот: девушки в многонациональных и сепаратистских нарядах с блистающими отметинами на целомудренных лбах и алмазными загогулинами в трепещущих ноздрях.

Приближается к трапу невиданный сад: Тюрбаны. Сари. Банты. Аксельбанты. Гирлянды. Черные сюртуки. Белые кальсоны. Конгрессистские пилотки. Сикхские чалмы. И в центре этого сада, как фонтан любви, фонтан живой – Раджив-красавец со своей рани – итальянкой Соней, у коей круп под попоной Сари – как у юной кобылицы.

Красивые игрушечные детишки возлагают на Него и Нея цветочные гирлянды, цветник индианок посыпает наш ковровый путь лепестками роз, забираемся под навес для почетных гостей, слушаем речи и салют наций, и все это завершается прохождением почетного караула под весьма легкомысленную музыку.

Суматошливые поиски кара под номером 25. Where is car number 25? Никто этого не знает, потому что number 25 is absent.

Едем в город. О, это надо было увидеть, чтобы сейчас не суметь описать! Как описать этот многокилометровый путь, обсаженный пальмами, эвкалиптами, Ея портретами и полумиллионом босоногих индийцев, завезенных из окрестных штатов с единственной целью – стоять, махать, рукоплескать? Как описать арки из розмарина, корицы, перца, с душевными надписями по-русски хинди и урду? Или слоновью гвардию, вышагивающую по трассе лакированного кортежа, попеременно с подразделениями верблюжьей конницы, колышущей горбами в знак приветствия.

Где-то свернув с трассы, поехали в посольство – обрабатывать прессу, вылавливая из нее, по просьбе Э.А., жемчужины льстивых словосочетаний в честь Р.М.

Визит проходит стороной. Мы заперты в посольской комнате № 29. Кое-что вижу в окне. Посольство Пакистана под бирюзовыми куполами ислама. Развалившихся на траве солдат, которые больше похожи на нищих, добывших где-то солдатскую форму...

О, страна Махабхараты и Раджа Капура! Какие крохи от тебя достаются мне!

Водитель – сикх по имени Нарандит.

Розовокаменный дворец президента – резиденция М.С., где нашему Э.А. отведены апартаменты «Хималайярум».

Во дворце – кордегардия, где смешались в кучу кони, люди, девятка и индийские секьюрити. Портрет нищего старика и щеголеватой пары – Махатма Ганди с лордом Маунтбэттен.

Рослый полицейский в красном с золотом кафтане и белом тюрбане с крылатым оперением. Солдаты-гуркхи в коридорах. Вело, а точнее – моторикши.

Остерегайтесь продуктов – «делийский желудок»! Пейте воду только из запечатанных бутылок.

Гостиница «Ашока» из Индии белых сагибов и темных махараджей. Вестибюль забит управделами ЦК. Будто по Лубянке бродишь. Из номера взгляд окунается в бирюзовый эллипс бассейна, а на горизонте – марево, съедающее пространства и народы.

Что я видел? Ничего. Но увидел много.

26 ноября

Безусловно, Индия – страна чудес. Вызванная к 7.30 утра машина не пришла – Нарандит проспал. В моем 707 номере сорвался с цепи кран, и хлынула Ниагара кипятка. Увидел священную корову со свечами промеж рогов. Нечестивый дворник в тюрбане подметал асфальт – как какой-нибудь курд в Тифлисе. Спящие в такси тюрбанистые шофера. Просыпаются - аккуратно складывают байковые одеяла. Машины у них украшены золотыми кистями. Швейцар в костюме махараджи берет под козырек, хотя козырька нет. Золоченные кисти «амбассадора». Бегающая морская пехота USA. «Ашока» абшарпана, как видение колониальной жизни, зато президентский дворец – мощь и блеск Британской империи. Мощь и блеск пушек, из которых расстреливали восставших сипаев. Оживает увиденная в детстве картинка: сипаи, привязанные спинами к пушечным жерлам. Еще картинка: охота на тигров в Восточной Индии. По коридорам и переходам шныряют экзотические хрен знает кто в белом и красном, в остроконечных шапках.

У въезда в Северное крыло президентского дворца – табличка: «Ехать смертельно тихо!» Солдат берет «на кра – ул!» Голова в берете обмотана шарфом. Казарма, в которой он живет – руины. Другие квартируют в палатках. Третьи просто живут на улицах. Как нищие, которых тут тьма.

Дожидаемся Э.А. Вручаем ему телеграммы и переводы из здешних газет, главным образом – о Первой даме. Таково задание. Переводим на русский пляску экстаза, подбострастия и любопытства вокруг First lady. Какой-то живчик прыгает в нашем сюзерене. Хорошо потрудились холопы, есть навар для хозяина.

-Эти оставьте!

Большая политика и мелкие страстишки. Мелкие страстишки на весах большой политики.

-И завтра переводить?

-Продолжайте.

Звездный час царедворца.

Вечером в номере «Ашоки» - реки крови, хлещущие с экрана телевизора: гангстерский фильм с Аль Пачино в главной роли.

Пришел Юра Куликов, бывший «комсоправдинец», ныне «литгазетчик», будущий собкор ЛГ по Индии. Посидели, посумерничали, повспоминали прошлое, повздыхали.

27 ноября

Светская хроника неистовствует. Политический комментарий раздумчив. Экономические обозрения грустны. У Индии слишком много своих проблем, чтобы играть роль мировой державы. Ей не следует нарушать каноны неприсоединения, выражая чрезмерную любовь к одной великой державе – за счет другой. Советский Союз не может предоставить Индии передовую технологию и не желает продавать сырье. Его азиатские инициативы больше обращены к Китаю, чем к Индии.

Но – «Раиса Горбачева совершила вчера свое первое завоевание в Азии, поразив всех своей скромностью и тем, что здесь назвали философской любознательностью».

Такие дела. А жизнь в Индии идет своим индийским чередом. Лишь десять процентов населения страны читают газеты, кстати, преисполненные к нам дозированной любви и дружбы. Остальные девяносто процентов бедствуют как при магараджах и вице-королях.

Урвали час, поехали в город. Шибануло запахами народной беды. На круглой, заставленной двухэтажными белыми зданиями с лавчонками и лавками, площади подверглись атаке нищенствующих мальчиков. Эта атака не весела, не нахальна, не агрессивна, как обычно бывает на Востоке, она липка, как предсмертный пот. И здесь еще одна разновидность

нищенства – навязывают чуть ли не силой кустарные безделицы, корзинки, игрушки, сувениры.

Роскошная священная корова в попоне, расшитой бисером, с дымящейся курильницей промеж рогов, ее хозяин, а может – ее раб, человек в картинном одеянии – модель для живописного полотна народного художника Киргизской ССР Чуйкова.

Какой-то индеец-полуинтеллигент спрашивает Сергея:

-Пока Горбачев переговаривается с Радживом, вы тут гуляете?

Гуляем. Продираемся сквозь нищету и бездомность. Такое впечатление, будто весь народ, высыпавший на улицы – бездомен. Живут, едят, спят, привалившись к деревьям – строители-чернорабочие, т. е. подъемные краны, бетономешалки, подпорные балки, солдаты, чей обтерханный, невоенный вид, эти все жалкие шарфы на головах, кеды и полукеды вместо сапог и ботинок вызывают непреходящее недоумение.

-Третий мир, ничего не поделаешь! – вздыхает Сергей.

Торговые ряды сменяются обычным азиатским торжищем – торжеством купли-продажи подержанных вещей, и бедного, не претендующего на рукоплескания ремесла. Красильщики вываривают в огромных чанах истершиеся ткани, продавцы поношенной одежды и обуви выдают их за новые. Горы сладостей, фруктов, фиников, облепленные мухами. Водруженные на обшарпанные тележки соковыжималки, котлы с варевом различной густоты и интенсивности ароматов – пахнет остро,пряно, возбуждающе, но санитария на нуле, а потому воздерживаемся.

Поехали смотреть единственную достигаемую достопримечательность – Кутаб-, Минар, но там ждали Ее Величество. Мы только отметились и – смываться.

Так, по-моему, только королевскую чету принимают.

Вечером – прием в посольстве. В честь Его Превосходительства премьер-министра Индии Раджива Ганди и его Сонечки.

Мои соседи по столу – старые конгрессисты, ветераны битв за независимость Индии. Старушка Аруна Али вспоминает, как ездила по странам Восточной Европы, стремясь заручиться поддержкой для своей партии и страны, и как ее ортодоксальные оппоненты на все корки крыли Джавахарлала, обзывая его агентом британского империализма. Еще она вспомнила про смерть Сталина. Ворвалась среди ночи к премьер-министру, разбудила, прорыдав: «Скончался генералиссимус Сталин!»

-Что будем делать? – спросил потрясенный Неру.

Боги ведь не умирают. А тут вдруг взял и умер, да еще какой – Верховный!

А потом началась десталинизация, и они вновь потряслись разоблачением ужасов сталинской эпохи.

Прием шел по заведенному чину. Обмен пресными речами. Обнос острыми блюдами. Запиваем заморскими соками и родным боржомом.

Спрашиваю Аруну, как ей фильм «Ганди».

-Не нравится. Индира говорила: Ганди в нем – герой-одиночка, вне масс, без народа. Плохой фильм. Зато вот о Неру – замечательный.

Знакомлюсь с академиком Примаковым. Мир тесен не только в пословицах. Академик – уроженец Тбилиси, у нас множество общих приятелей, в том числе таких поп grata, как Сулико Хабеишвили.

До поздней ночи ждем во дворце Э.А.

-Наверное, смотрят видеокассету у М.С. Все, конечно, в экстазе.

Сегодня днем М.С. выступал в индийском парламенте. Речь писали мы. Ее оглупили, но основа осталась. А в парламенте нас не было. Не взяли. Холопы. Крепостные. Рабы.

Последняя ночь в «Ашоке». Не спится. Читаю сценарий Феллини «Джинджер и Фред». Два часа ночи. И тут вот какое совпадение. С балкона открывается ослепительно яркая прореха в густой черноте ночи – множество юпитеров, аппаратов, людей, ковров заполняют эту прореху. Кругом обычная жизнь, а в ней, этой белой от магниевого света дыре – ирреальная Индия.

Самое яркое впечатление от поездки сюда – этот сгусток золотого теплого света в неведомом. Прочитанное у Феллини накладывается на эту картинку, и все это вместе учетверяет отчаяние от непознаваемости мира и от сознания твоей ничтожности в нем.

28 ноября

Приезжаем в аэропорт за полтора часа. Предстоит смена самолетов, и я боюсь, не потерять бы пальто. Грузовики и автобусы заранее развозят по дистанции клакеров.

Великое дело – быть «великим» руководителем великой державы. Даже банальности, которые ты бесцельно изрекаешь, выдаются за мудрейшие максимы.

М.С. целует Софью Ганди. Сдержанная вежливая азиатская улыбочка муженька.

Домой.

В самолете верноподданническая суета машинисток, камеристок, нонсуффражисток, тело – и портфельхранителей, мыслителей-на-прокат и т.п.

Пролетаем над Афганистаном. Скомканная могучей божеской дланью страна. Ее, вздыбленную и опадающую, изборожденную и изможденную – невозможно удержать в узде наших доктрин.

Невыразимой тоской дохнуло с заснеженных гор. Пейзаж безысходного отчаяния.

1 декабря, вечер

Совещание у Э.А. Заплыв в потоке событий. Заявление советского правительства в связи с превышением США лимитов по ОСВ-2. Пресс-конференция на ту же тему – концепция советско-американских отношений в послережьевский период. Американцы перекрывают все каналы сотрудничества с нами. Большой хай вокруг визита в Индию. Готовим проект постановления для П/Б (?). Пропагандируйте Делийскую декларацию. Наши отношения с Индией – образец мирного сосуществования, воплощенный идеал решений съезда. И т.д. и т.п.

8 декабря

Теперь уже никто не удивляется возвращению на Родину бывших беглецов с Родины. Тому, что полтысячи человек вновь избрали несвободу жизни в этом обществе, предпочтя ее свободе в обществе равных возможностей. Тому, что покинувший страну знаменитый кинорежиссер может рассчитывать на доброжелательный некролог на Родине. Тому, что... Да мало ли чему не удивляемся уже мы, наблюдая, как М.С. пытается раскатать этот океанский лайнер, глубоко осевший в жиже гавани, из которой давно отошли чистые воды. «Чтобы сдвинуть страну с мертвой точки, Горбачев практически может рассчитывать только на молодых людей, берущих ответственность на себя и не боящихся идти наперекор устоявшимся обычаям. Между людьми, которым за пятьдесят (именно их привел Горбачев к власти) и сегодняшней молодежью – «потерянное поколение». Это люди, выросшие в послевоенные годы (в бурную эпоху Хрущева, проводившего политику выдвижения молодых кадров), а затем жившие в тусклую пору брежневского застоя, люди, которых отличают аполитичность, цинизм, стремление уйти в личную жизнь и провести ее в максимальном комфорте, не прикладывая при этом особых усилий. Эти люди «неисправимы», и поэтому нынешнее советское руководство протягивает руку молодежи – наиболее разнородной социальной группе за всю историю страны. Некоторая часть молодежи, реагируя на чрезмерную опеку, приходит к тем же формам протеста, что и западная молодежь, впадающая в панику от бесперспективности в будущем. Это – бутылка, укол морфия, сигарета с гашишем, какое-то общение в группе таких же подростков, увлекающихся музыкой, секс без любви, или, наконец, погоня за вещами. Вместе с тем наблюдается возврат молодых людей к активной политической жизни, стремление к какому-то определенному ее образу, который как бы объединяет современный комфорт с человеческим теплом старых коммунальных квартир. Именно сейчас наблюдается и все растущий интерес к прошлому своей страны. Молодежь осознает, что история и культура

ее родины начинались не в 1917 году, и хочет знать об этом как можно больше» (бельгийская «Суар»).

Таков взгляд со стороны. Таких взглядов хватает. Но куда больше наших собственных взглядов на самих себя, при совершенно очевидных сменах углов зрения и резко возросшей зоркости видения. Мы вдруг обнаружили у себя проституток, наркоманов, Панков, люберов, «металлистов», заброшенное поколение детей, не желающих хранить духовные связи с родителями, молодых ветеранов Афганистана, потерявшихся в этой, нормальной жизни.

Черносотенец и богомол Виктор Астафьев пишет «Печальный детектив», пышущий злобой к евреям и интеллигентам и исходящий кровью из ран, причиненных России десятилетиями поножовщины, дикого разгула и пьянства.

Национал Чингиз Айтматов строит «плаху» - сложносочиненный роман, по которому бегают волки, рыскают стаи наркоманов и мечется одинокая чистая душа, взыскующая божественности в обыденной жизни.

В Риге мой друг Абрам Клецкин пишет со товарищи сценарий документального фильма «Легко ли быть молодым», где впервые перед нами пройдут молодые люди, забытые обществом и комсомолом.

В этих сочинениях ставится и разрешается один вопрос: «Больные люди?» - Больное общество» - как ответил Клецкин одному из своих оппонентов.

Почему оно заболело? Откуда и как пришла болезнь? И почему она не излечивалась, а наоборот – усиленно культивировалась?

Ответы ищу и нахожу даже не в эпохе Сталина, когда молчание было условием выживания, а в факте существования системы, производящей ложь как единственно возможную форму общественного бытия.

И все больше, все тревожнее раздумывая над происходящим у нас, прихожу к одному-единственному выводу: надо перестраивать систему.

Еще один взгляд со стороны: «Правда» - вот наиболее актуальный лозунг современности. Открытость, с которой партийная печать назвала своими именами недостатки в правоохранительной области, поистине удивительна...»

В «Дружбе народов» *маленький большой* [так в тексте – прим. ред.] рассказ Булата Окуджавы «Девушка моей мечты». Послевоенный Тбилиси. Возвращение из карагандинской ссылки. Фильмы Марики Рёк. Трагедия возвращения в мир, движимый иными законами – двойственность гражданского существования.

13 декабря

Бросил курить. Сбросил страшную тяжесть. Принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Почти НЭП.

15 декабря

Ушел Кунаев, друг, соратник, собутыльник и ставленник Брежнева. Пришел туда, в кунаевскую вотчину Геннадий Васильевич Колбин, друг, соратник и ставленник Э.Ш. Старый мой знакомец, симпатичный, мыслящий, подчас очень зло – по адресу несовершенств системы – уральский медведь, при Э.А. бывший вице-королем Грузии. Хороший, полновесный самородок, не чета легковесному преемнику - москвичу Никольскому.

«Учитывая нынешние веяния в Москве, свидетельством положительных качеств Г. Колбина является то, что Э. Шеварднадзе, который еще будучи первым секретарем ЦК компартии Грузии, первым приступил к борьбе с коррупцией, в качестве второго секретаря привлек на работу Г. Колбина («Кельнер штадтанцайгер»).

18 декабря

В Алма-Ате волнения. Студенческая молодежь вышла на улицы и площади. По иронии судьбы главная манифестация состоялась на площади Брежнева. Острые протеста – против избрания русского Г. Колбина первым секретарем ЦК компартии Казахстана. Как сказано в сообщении ТАСС, хулиганствующие элементы воспользовались беспорядками, чтобы... Словом, жаркое событие. Но самое жаркое, на пределе повышенной градусности в нем – само сообщение. Не очень щедрое на факты, просторное для домыслов, но – первое, а поэтому совершенно особое. Аналогов у него нет.

Казахский бунт – не единственный в семье социалистических республик, спаянных дружбой народов. Только на моей тбилисской памяти два таких события: мартовские иды 1956 года, когда глупое мое поколение протестовало против свержения своего идола – Сталина, и апрельская демонстрация 1978 года, добивавшаяся внесения в проект конституции Грузинской ССР статьи о государственном языке - грузинском.

В первом случае, при трусливом попустительстве Васьки Мжаванадзе, кровь пролилась. Во втором – Эдик не дал.

Факт назначения русского первым секретарем т.н. национальной республики – беспрецедентен. Но и сообщение о националистических, как, впрочем, и любых других волнениях на местах – тоже не имеет прецедента.

21 декабря

День рождения сатрапов и подонков. И те, и другие одинаково опасны, и те, и другие обескровливают страну.

В «Правде» - корреспонденция о Л.И. Брежневе, приуроченная к дню его рождения. После обычных аллилуй – нелестные, суровые слова о последних годах, обернувшихся стагнацией и кризисом.

Что-то подобное уже было в нашей истории, но ничего подобного не было в сцеплении с другими многозначительными фактами. Например, в Москву вернулся Сахаров. Пришли к нему монтеры, быстренько установили телефон, через час - звонок и голос М.С. в нем: «Возвращайтесь в Москву, Андрей Дмитрич!»

23 декабря

«Освобождение Сахарова, официальное сообщение о беспорядках в Средней Азии и резкая критика периода правления Л. Брежнева в «Правде» - все это знаменует собой решительный поворот от тех методов, которыми Советский Союз управлялся на протяжении последних пятидесяти лет. Эти три события, происшедшие почти одновременно, свидетельствуют о фундаментальной политической перестройке способа отправления власти в стране, самой могущественной коммунистической стране мира. Монополия на власть и информацию, которой пользовалась коммунистическая партия с 20-х годов, вряд ли может быть сохранена после решения освободить самого известного диссидента страны, признать, что назначение нового партийного руководителя в Казахстане вызвало неистовое сопротивление, и подвергнуть Л. Брежнева критике за деспотизм и некомпетентность в экономических делах.

Тот факт, что М. Горбачев не останавливается перед осуществлением таких мер, показывает, что в политическом плане он чувствует себя достаточно уверенно, чтобы противостоять любой реакции со стороны официальных лиц, пришедших к власти в период правления Брежнева.

...Уязвимость такого огромного и могущественного государства перед нападками нескольких критиков показывает, какой вакуум идей был создан старым руководством, закостеневшим и одержимым секретностью, вакуум, в котором оно не могло найти иных решений, кроме арестов и высылки критиков положения дел в стране.

М. Горбачев и новое руководство в Кремле гораздо более уверены в себе, чем их предшественники, и поэтому меньше боятся Сахарова». («Файнэншл Таймс»).

«Дело Сахарова показывает, что Горбачев намерен развернуть крупномасштабную кампанию по мобилизации интеллектуалов, добиться их поддержки и солидарности, чтобы укрепить национальную гордость в стране...» («Месаджеро»).

Все верно. Или близко к истине. Холодно. Тепло. Жарко. Как в детской игре. Пока, по моим наблюдениям, лишь пресса и интеллигенция, главным образом - творческая – выступает активно в поддержку Горбачева. Зеркало прессы – открыто, в ней все отражается. Другое «зеркало» - съезды творческих организаций. На съезде театральных деятелей, например, Кирилл Лавров прямо заявил: в 70-е целое поколение драматургов было отлучено от сцены. Так и в других епархиях жизни. А тем временем в обществе разворачивается классовая (в Казахстане – националистическая) борьба. Поскольку речь идет о власти и связанных с ней привилегиях – класс привилегированных (номенклатура, партбюрократия, аппарат) спускает перестройку на тормозах. Поэтому нет и результатов. А поскольку их нет, то нет и поддержки в массах. Лишь идеалисты-художники, да забытые, закомплексованные журналисты, для которых возможность говорить правду – норма и предпосылка профессионального существования, подставляют плечи.

Тем не менее – «Кто уехал из Москвы во второй половине сентября и вернулся в начале декабря, тот увидел, что атмосфера в стране полностью изменилась... Как журналисты, так и общественное мнение все больше проникаются одной и той же мыслью: хотя пока далеко еще не все получается, однако на сей раз руководство по крайней мере настроено серьезно. То, что подобное изменение настроения произошло за довольно короткий промежуток времени, несмотря на чернобыльскую катастрофу и другие напасти, М. Горбачев может записать на свой счет как крупный политический успех» («Кельнер штатданцайгер»).

Но «и другие напасти» - это очень серьезно. Столько дерьма накопилось, что выгребные ямы уже не удерживают его. Переход количества в качество. Диалектика. И все валится на нынешних.

Казахстанский взрыв – из того же разряда.

-Как же так? – спрашиваю Э.А. – Что, не знали о казахском национализме? Я еще в 70-х с ним близко сошелся в Алма-Ате. Слушал разговоры о родах, племенных и клановых отношениях. Олжас Сулейменов книжку написал – «Аз и я», выплеск гипертрофированной национальной гордости, оскорбительное для русских произведение. Его, кстати, Кунаев и защитил.

-Знать-то знали, но не совсем. Сам Кунаев говорил, что в республике ему нет замены, просить прислать русского...

Прислали. Но дело не в национальности. С Ленькой-то Брежневым руководящие казахи прекрасно спелись, потому что он у них свой был, ручной, кунак, дастархан любил, баб и водку кушал.

А здесь не свой пришел, пригрозил лишить положений, состояний, привилегий. Вот и подбили народ, в основном – молодежь.

Страшно говорить правду. Но когда говоришь правду, ничего не страшно.

Из массы публикаций о «казахских декабристах» явствует: республику и ее компартию контролировали соплеменники Кунаева, выходцы из южных районов Казахстана, из старшего ее «джуза» (?). Что означает такой контроль на практике – знаю из моего грузинского опыта: мингрельцы – к мингрельцам, гурийцы – к гурийцам, остальные завидуют, жалуются и ненавидят.

Феодализм – светлое настоящее, затемняющее суть социализма. Гласность претит самой идее вассалитета, где тайной владеют как короной и скипетром. Не раскрывать секрета, не передавать кому ни попадя, иначе лишишься трона.

Гласность – категория самая антифеодальная, самая социалистическая.

«Сахаров заявил, что на него произвели большое впечатление перемены, происшедшие в советском обществе при М. Горбачеве. «Появляющиеся сейчас статьи напоминают некоторые заявления в семидесятые годы, за которые многие мои друзья были заключены в тюрьмы», - сказал он. По его словам, огромной переменой в повседневной жизни здесь явилась гласность; она является важным условием для других перемен. Гласность была одним из главных требований диссидентского движения в 60-70-е годы».

Вот так. Сахаров в роли союзника Горбачева? Объективно – так.

26 декабря

Новогодний вечер в клубе МИДа. Перепуганный секретарь мидовского парткома Вяч. Ив. Долгов: «Напугали какие-то типы из объединения «Садовое кольцо». Директор клуба обещал им зал. Мы, не зная, кто такие – отказали. Теперь они грозятся взять клуб штурмом. Как быть?»

Пошел Долгов к министру. Тот ему: «Вечер не отменяйте». Мне: «Пойди посмотри».

Пошел. Посмотрел. Жалкая полусамодетельность. Бедные люди. Непризнанные. Непризнание затянулось на десятилетия. Вот они и организовались.

Выходит на эстраду старый молодой человек и говорит: -Времена рифмуются.

Это он про созвучие «1956-1986» речет.

Еще один «наблюдатель» - В.Ф. Петровский - говорит мне: -Задавленные истеблишментом, они не протест выражают, а обиду.

31 декабря 1986 г.

Поездка в больницу к Юре Мосешвили. Тайный тост из мензурки. Новогодний вечер у Орликов. Как всегда, смейся, тамада, над несостоявшейся жизнью.